

АЙЫНҤ ТҮҮНҮ
БАҢАМ

СТРАНА

3

Лаймен Фрэнк Баум

Чудесная Страна Оз

1. Тип мастерит Тыквоголового

В Стране Гилликинов, той, что лежит на севере Страны Оз, жил мальчик по имени Тип. Его настоящее имя, как уверяла старая Момби, было гораздо длиннее — Типпетариус. Однако не всякий и выговорит: «Тип-пе-та-ри-ус», поэтому все звали паренька просто Тип.

Своих родителей он не помнил, ибо еще во младенчестве был взят на воспитание старухой Момби, чья репутация, надо признаться, была не из лучших. Местные жители ее сторонились, подозревая — и не без основания — в колдовстве.

Момби, впрочем, проявила осторожность: добрая волшебница, правительница тех краев, строго запретила в своих владениях всякое колдовство. Так что опекунша Типа больше действовала как обычная гадалка или как ворожея.

Обязанностью мальчика было носить из лесу дрова для очага на кухне. Кроме того, он работал в поле, мотыжил и молотил кукурузу, кормил свиней и доил любимицу Момби, четырехрогую корову.

Не подумайте только, что он работал без отдыха день и ночь, надрывая здоровье. О нет! Отправившись за дровами в лес, Тип весело проводил время: лазил по деревьям в поисках птичьих яиц, гонялся за быстроногими белыми кроликами, ловил в ручьях рыбу на гнутую булавку и, только уже притомившись, собирал наспех охапку хвороста и тащил ее домой. В поле же, пользуясь тем, что высокие стебли кукурузы скрывали его от глаз Момби, он раскапывал норы сусликов или просто дремал, растянувшись на земле между грядками. Итак, работая строго в меру и не тратя сил попусту, он рос здоровым мальчиком.

Соседи боялись колдовства Момби и держались с ней робко, даже заискивающе. Но Тип ненавидел старуху от души и не пытался скрывать свои чувства. Иногда он даже вел себя с ней весьма невежливо, забывая, что она как-никак его опекунша.

На кукурузных полях Момби между рядами зеленых стеблей желтели тыквы. Их сажали каждый год и запасали для четырехрогой коровы. В один прекрасный день — когда кукуруза была уже вся срезана и наступила пора сбора тыкв — у Типа в голове возник план: развлечься самому, а заодно погугать Момби.

Он выбрал большую спелую тыкву ярко-оранжевого цвета, взял перочинный ножик и аккуратно вырезал два больших круглых глаза, треугольный нос и рот полумесяцем. Лицо вышло не то чтобы очень красивое, зато улыбка получилась такая широкая и сердечная, а выражение лица такое открытое и веселое, что Тип громко засмеялся в полном восхищении от своей работы.

У мальчугана совсем не было товарищей — откуда ему было знать, что обыкновенно, мастера такие игрушки, ребята выковыривают у тыквы мякоть, а в образовавшееся

пространство засовывают горящую свечку, чтобы лицо казалось пострашнее. Тип задумал все по-своему и, надо сказать, очень неплохо. Он решил смастерить целого человека, надеть на него тыкву-голову и поставить так, чтобы старая Момби, возвращаясь домой, столкнулась с ним нос к носу.

— Она завизжит, пожалуй, еще громче, — говорил Тип сам себе посмеиваясь, — чем наша бурая свинья, когда ее дергают за хвост, и задрожит сильнее, чем я сам в прошлом году, когда болел лихорадкой!

Времени у него было предостаточно: Момби ушла из дому, по ее словам, в деревню за продуктами, но Тип знал по опыту, что такое путешествие редко занимает у нее меньше двух дней.

Захватив топор, он отправился в лес, присмотрел там четыре крепких и прямых молоденьких деревца, срубил их и очистил от веток и листьев. Из них предстояло сделать руки и ноги деревянной куклы. Потом он выбрал дерево потолще — для туловища, срубил его и обтесал, постаравшись придать ему нужные размер и форму, на что ушло немало трудов. И наконец, весело насвистывая, он принялся скреплять части будущего тела деревянными стержнями, которые предварительно аккуратно выстругал перочинным ножом.

К тому времени начало темнеть, и Тип, вдруг спохватившись, вспомнил, что корова у него не доена, а свиньи не кормлены. Он взвалил деревянного человека на спину и потащил домой.

Вечером у очага он, как истинный мастер, тщательно подогнал все сочленения и суставы, подстругал сучки и неровности. Затем, прислонив фигуру к стене, он отошел в сторонку, чтобы полюбоваться своей работой. Пугало получилось, пожалуй, слишком долговязым, но в глазах маленького мальчика высокий рост был большим достоинством, и Тип нарадоваться не мог на свое творение.

Утром обнаружилось, что он забыл сделать шею, на которую крепилась бы голова-тыква. Пришлось вновь отправиться в ближний лес и вытесать там две дощечки. Вернувшись, он прикрепил их крест-накрест к верхней части туловища, а в перекрестье выдолбил дырку и в нее вставил круглый брусок, он должен был служить пугалу шеей. Заострив этот брусок сверху. Тип насадил на него тыкву-голову. Получилось просто здорово! Голова свободно вертелась вправо и влево, а благодаря шарнирам, на которых крепились руки и ноги, деревянная кукла могла принять какую угодно позу.

— По-моему, — заключил Тип с гордостью, — пугало вышло хоть куда! То-то перепугается Момби, то-то завопит от страха! А чтобы оно еще больше походило на живого человека, его надо одеть.

Но где добыть одежду? Тип решил порыться в огромном сундуке, где Момби хранила сувениры и сокровища. На самом дне он обнаружил неизвестно кому принадлежащие бордовые штаны, красную рубашку и розовый в белый горошек жилет. Деревянный человек был одет, и даже не без шика, хотя все на нем болталось, как на вешалке. В дело пошли и шерстяные чулки Момби, и стоптанные башмаки Типа. Теперь пугало было не только одето, но и обуто. Тут уж Тип пришел в совершенный восторг, он смеялся и готов был плясать от радости.

— Но его нужно как-то назвать! — воскликнул он вдруг. — Ему теперь никак нельзя без имени.

Подумав минутку, мальчик решил: «Назову его, пожалуй, Тыквоголовый Джек».

2. Чудесный порошок

Хорошенько поразмыслив. Тип решил, что лучше всего будет поставить Джека на повороте дороги, недалеко от дома. Он поволок деревянного человека туда, но путь оказался неблизким, а Джек был громоздкий и тяжелый. Помучившись с ним какое-то время. Тип решил действовать иначе. Он поставил Джека на ноги и стал двигать их попеременно вперед, одновременно подталкивая пугало сзади. Таким образом они добрались в конце концов до нужного места. По дороге Джек то и дело падал. Типу пришлось нелегко, но, во-первых, он любил озорничать, а во-вторых, ему ужасно хотелось посмотреть, что же выйдет из его затеи, — и это придавало ему силы.

— Джек у меня молодец, держится отлично! — сказал он сам себе, утирая пот. И тут же заметил, что пугало осталось без левой руки: пришлось возвращаться и искать ее на дороге, а потом еще заново выстругивать деревянный стержень для плечевого сустава. После починки рука держалась лучше прежнего. Тип заметил еще, что голова Джека повернулась задом наперед, но и эту беду он поправил вмиг. Наконец пугало встало на дороге лицом в ту сторону, откуда должна была появиться старая Момби. С виду оно было настолько похоже на человека — какого-нибудь местного фермера, — но в то же время выглядело так странно, что застигнутый врасплох прохожий не мог не испугаться.

До возвращения старухи оставалось еще немало времени, и Тип отправился в низину за домом собирать орехи.

Но на этот раз старая Момби вернулась раньше обычного. У Кривого Колдуна, который жил на высокой горе, ей удалось выторговать несколько важных колдовских секретов. Заполучив таким образом три новеньких заклинания, четыре волшебных порошка и кое-какие травы, обладающие чудодейственной силой, она торопилась домой, чтобы испытать свои приобретения в деле.

Момби так задумалась, что, заметив на повороте дороги какого-то человека, кивнула ему, почти не глядя, и буркнула:

— Добрый вечер.

Человек, однако, молчал и не шевелился. Внимательно приглядевшись, она заметила, что вместо головы у него тыква, над которой основательно потрудился перочинный ножик Типа.

— Э-ге! — только и смогла произнести Момби, задохнувшись от возмущения. — Опять эти фокусы негодного мальчишки! Ну ладно же. Ла-адно. Я тебе задам трепку, я тебе покажу, как меня пугать!

В гневе она замахнулась клюкой на весело улыбающуюся тыкву, но внезапно в голову ей пришла мысль, и поднятая клюка застыла в воздухе.

— Да это же отличный случай испытать новый порошок! — воскликнула она. — Сразу узнаем, добротный ли товар продал Кривой Колдун или надул меня так же ловко, как я его.

С этими словами она поставила на землю свою корзинку и стала в ней рыться в поисках только что приобретенного драгоценного порошка.

Тем временем Тип, набив карманы орехами, вернулся к дороге и обнаружил, что старуха стоит рядом с пугалом, но вид у нее ни капельки не испуганный.

В первый момент он был сильно разочарован, однако ему захотелось узнать, что же Момби будет делать дальше. Он спрятался за изгородью, где она не могла его заметить, и

приготовился наблюдать.

Порывшись еще немного, старуха вынула из корзины перечницу, судя по виду, далеко не новую — поверх полустертой надписи «Перец» рукою колдуна было жирно выведено: «Оживительный порошок».

— Наконец! — радостно вскричала Момби. — Теперь посмотрим, как он действует. Колдун, скупердяй, отсыпал совсем немного, но на две-три порции, думаю, должно хватить.

Тип, конечно, ничего не понял из этих ее слов.

Зато он углядел, как Момби подняла руку и потрясла перечницей над тыквой, в точности как перчат печеную картошку. При этом порошок рассыпался по голове Джека, попал и на его рубашку, и на розовый жилет, и на бордовые штаны, и даже на сношенные золотые башмаки.

Сунув перечницу обратно в корзину, Момби подняла левую руку вверх, оттопырила мизинец и сказала:

— Вау!

Потом подняла вверх правую руку, оттопырила большой палец и сказала:

— Тау!

Потом подняла обе руки, растопырив все пальцы как можно шире, и громко крикнула:

— Пау!

Тыквоголовый Джек при этом сделал шаг назад и сказал укоризненно:

— Чего это вы так вопите? Я же не глухой!

Старая Момби даже подпрыгнула от радости.

— Он ожил! — завизжала она. — Ожил! Ожил!

Она подбросила клюку в воздух, потом поймала ее, потом обхватила сама себя за плечи и попыталась сплясать джигу, и все это время весело припевала:

— Он ожил, ожил, ожил!

Можете себе представить, что думал и чувствовал Тип, наблюдая такое.

Вначале он очень испугался и хотел даже бежать без оглядки прочь, но не смог — ноги его не слушались, дрожали и подгибались. Потом он тоже обрадовался, что Джек ожил: глядя на эту забавную физиономию, невозможно было удержаться от смеха. Оправившись от испуга, Тип рассмеялся и смеялся так громко, что Момби его услышала, — она быстро подковыляла к изгороди, схватила Типа за шиворот и вытащила на дорогу.

— Ты вредный, лживый и дурной мальчишка! — вопила она в ярости. — Я тебе покажу, как за мной подглядывать и надо мной смеяться!

— Я не смеялся над тобой, — оправдывался Тип, пытаюсь вырваться, — я смеялся над Тыквоголовым. Ты только полюбуйся на него! Разве не хорош?!

— Я надеюсь, вы не хотите сказать ничего дурного по поводу моей внешности, — сказал Джек чрезвычайно серьезно, продолжая при этом весело улыбаться, что само по себе было так

смешно, что Тип опять расхохотался.

Даже Момби стала с любопытством присматриваться к оживленному ею существу, а присмотревшись, спросила:

— Что ты знаешь?

— Трудно пока сказать, — ответил Джек. — Мне кажется, что я знаю ужасно много, можно ли знать больше — это для меня пока вопрос. Мне как раз предстоит выяснить, то ли я очень мудр, то ли очень глуп.

— Да, с этим надо разобраться, — задумчиво сказала Момби.

— А что ты с ним собираешься делать — с живым? — поинтересовался Тип.

— Посмотрим, — ответила Момби. — Надо, однако, идти домой — темнеет. Помоги-ка Тыквоголовому.

— Ах, не беспокойтесь обо мне, — сказал Джек. — Ходить я могу не хуже вас. У меня же есть ноги, к тому же на шарнирах.

— На шарнирах? — переспросила она, повернувшись к Типу.

— Конечно, я сам их сделал, — с гордостью отвечал мальчик.

Втроем они направились к дому. Но, зайдя во двор фермы, старая Момби велела Тыквоголовому отправляться в коровник, там завела его в пустое стойло, а дверь снаружи заперла на засов.

— Сперва займемся тобой, — сказала она Типу, и голос ее не предвещал ничего хорошего.

Мальчик встревожился. Он знал, что Момби злопамятна и от нее можно ожидать любых пакостей.

Они вошли в дом — круглый с куполообразной крышей, как все фермерские постройки в Стране Оз.

Момби велела Типу зажечь свечу, затем спрятала свою корзинку в шкаф, плащ повесила на вешалку. Тип послушно выполнил все, что она приказывала: по правде говоря, он был сильно испуган.

Пока Тип разводил огонь в очаге, Момби уселась ужинать. Наконец огонь весело затрещал, тогда мальчик подошел к старухе и попросил немного хлеба и сыру. Момби ничего ему не дала.

— Я же голоден! — обиженно захныкал Тип.

— Недолго тебе голодать, — зловеще пробурчала Момби.

Такие речи мальчику уж совсем не понравились, в них звучала угроза. Но тут он вспомнил, что в карманах у него есть орехи, и, чтобы заглушить голод, расколол и съел несколько штук. Старуха тем временем встала, отряхнула крошки с передника и повесила над огнем маленький черный котелок.

Отмерив равные части молока и уксуса, она налила в него и то, и другое, затем достала множество кульков с сушеными травами и порошками и стала бросать в котелок понемногу из каждого. Время от времени она подходила к свече и, низко склонившись над пожелтевшим листком бумаги, вычитывала рецепт изготавливаемого зелья.

Тип смотрел на все это, и тревога его росла.

— Для кого ты это готовишь? — спросил он.

— Для тебя, — буркнула Момби.

Тип повернулся на табурете и внимательно посмотрел на котелок, который начинал закипать, потом перевел взгляд на морщинистое безжалостное лицо старой ведьмы. В этот момент он предпочел бы очутиться где угодно, только не в этой темной и дымной кухне, где даже тени на стене внушали ужас. Так прошел целый час, тишина нарушалась лишь бульканьем в котелке да шипением пламени.

Наконец Тип отважился заговорить вновь.

— Я что же, должен выпить это твое зелье? — спросил он, кивая на котелок.

— Да, — отрезала Момби.

— И что со мной будет? — робко поинтересовался Тип.

— Если все приготовлено как надо, — отвечала Момби, — ты превратишься в мраморную статую!

Тип застонал от ужаса и вытер рукавом мгновенно выступившую на лбу испарину.

— Но я не хочу быть мраморной статуей! — вскричал он.

— Зато я этого хочу, — сурово сказала старуха. — Твои желания значения не имеют.

— Но зачем тебе превращать меня в мраморную статую? Ведь на тебя некому будет работать, — спросил Тип, еще не оставляя надежды отговорить старуху от злого дела.

— Работать будет Тыквоголовый, — заявила Момби.

Тип снова застонал.

— Почему бы тебе не превратить меня хотя бы в барашка или в цыпленка? — спросил он в отчаянии. — Зачем тебе мраморная статуя?

— А затем! — отвечала Момби. — Весной я разобью цветник, а тебя поставлю посреди клумбы для украшения. Удивительно, что это не пришло мне в голову раньше. Сколько лет я терпела твои фокусы!

При этих словах Тип почувствовал, как капельки пота стекают у него по спине, но продолжал сидеть, не шевелясь и не сводя глаз с котелка.

— Может быть, зелье не подействует, — пробормотал он еле слышно, сам не очень веря в свои слова.

— Думаю, подействует, — бодро отвечала Момби. — Тут я редко ошибаюсь.

Снова наступила полная тишина, и тянулась она долго, потом Момби наконец встала, чтобы снять котелок с огня. Время было около полуночи.

— Пить надо, когда остынет, — сказала ведьма (несмотря на все запреты, она была все-таки настоящей ведьмой). — Нам обоим сейчас пора спать; а с утра на свежую голову я превращу тебя в мраморную статую.

И она заковыляла к себе в комнату, унося дымящийся котелок. Вскоре Тип услышал, как дверь хлопнула и загремел засов.

Вопреки приказу мальчик не пошел спать, а продолжал сидеть у очага, глядя на догорающие угли.

3. Побег

«Быть мраморной статуей — это ужасно, — думал Тип, — это просто невысказанно. Она говорит, что много лет меня терпела, а теперь решила избавиться. Но зачем же для этого превращать меня в статую? Кому охота торчать неподвижно всю жизнь посреди цветника! Нет, надо бежать, и немедленно, пока она не заставила меня выпить свое гадкое зелье».

Он подождал, пока не понял по храпу, доносившемуся из соседней комнаты, что старая ведьма крепко уснула, потом тихонько встал и пошел к шкафу, где хранилась еда.

— Кто же пускается в путь на голодный желудок? — рассуждал он, шаря по полкам.

Но найти удалось лишь несколько корок хлеба. В поисках сыра Тип решил заглянуть в корзину Момби, с которой она вернулась из деревни. Там он наткнулся на перечницу с Оживительным порошком.

«Возьму-ка я его с собой, — подумал он, — иначе Момби наверняка употребит его на какое-нибудь злодейство». И он сунул перечницу в карман вместе с хлебом и сыром.

Тип осторожно вышел из дома и запер за собой дверь. В небе ярко светила луна, сияли звезды, ночь казалась особенно мирной и свежей после душной и зловонной кухни.

— Хорошо, что я ухожу, — тихо сказал Тип, — я никогда не любил старуху. Удивляюсь, как я вообще к ней попал.

Он медленно зашагал по дороге, но тут внезапная мысль заставила его остановиться.

— Я не хочу оставлять Тыквоголового Джека на милость старой Момби, — решил он. — Джек — мой, пусть она его оживила, но сделал-то его я.

Он направился к коровнику, где был заперт Тыквоголовый, открыл дверь и заглянул внутрь.

Джек смиренно стоял в стойле, при свете луны Тип разглядел его лицо, улыбающееся весело, как всегда.

— Пойдем! — сказал мальчик и поманил его рукой.

— Куда? — отозвался Джек.

— Я сам пока не знаю, — признался Тип, улыбаясь в ответ на его улыбку. — Пожалуй, куда глаза глядят.

— Отлично, — отвечал Джек и, неуклюже переставляя ноги, вышел из коровника во двор, залитый лунным светом.

Они двинулись по дороге. Джек шел, прихрамывая, в суставах его то и дело что-то вывихивалось, и нога, вместо того чтобы сгибаться вперед, вдруг выгибалась назад, из-за чего бедняга каждый раз падал. Он, однако, скоро научился справляться с этой напастью.

Шли они хоть и не очень быстро, зато без остановок, и к тому часу, когда луна поблекла и из-за гор показались первые лучи солнца, уже были достаточно далеко и могли не опасаться погони. Более того, из хитрости Тип несколько раз менял направление, так что, если бы кто-нибудь захотел их выследить, нелегко было бы догадаться, куда они держат путь и в какой стороне их искать.

Счастливым тем, что избежал, по крайней мере на время, печальной участи быть превращенным в мраморную статую, мальчик решил наконец дать отдых себе и своему товарищу. Они присели на траву у дороги.

— Давай позавтракаем, — предложил Тип.

Тыквоголовый Джек с недоумением посмотрел на него, а от еды отказался.

— Сдается мне, что ты устроен как-то иначе, чем я, сказал он.

— Еще бы не иначе, — ответил Тип, — кто же, как не я, тебя смастерил.

— Как! Ты меня смастерил? — поразился Джек.

— Конечно. Я собрал тебя. Я вырезал твои глаза, нос и рот, — гордо сказал Тип. — И одел тебя тоже я.

Джек критически осмотрел себя со всех сторон.

— По-моему, ты справился отлично, — одобрил он.

— Да, как будто неплохо, — скромно согласился Тип, ведь он-то уже ясно видел изъяны и недоделки в своей работе. — Но если бы я знал, что нам предстоит путешествовать вместе, я бы отнесся к делу посерьезнее.

— Выходит, — вдруг с удивлением воскликнул Тыквоголовый, сам поразившись своему открытию, — выходит, что ты — мой создатель, мой родитель, мой отец!

— Лучше сказать — твой изобретатель, — со смехом отвечал мальчик. — Да, сын мой, это я тебя изобрел и сделал!

— Значит, я должен тебя слушаться, — рассудил деревянный человек, — а ты должен меня беречь и опекать.

— На том и порешим, — заключил Тип, вскакивая на ноги. — А теперь — пора в путь.

— Куда мы направляемся? — спросил Джек, когда они вновь зашагали по дороге.

— Пока не знаю точно, — признался мальчик, — но надеюсь, что на юг. А если мы идем на юг, то рано или поздно придем в Изумрудный Город.

— А что это за город? — поинтересовался Тыквоголовый.

— О, это столица и самый большой город Страны Оз. Сам я никогда не бывал в нем, но слышал много. Например, что когда-то там правил могущественный Волшебник, и еще — что все там зеленого цвета, подобно тому как в нашем Королевстве Гилликинов все фиолетового цвета.

— А разве здесь все фиолетовое?

— Конечно. Разве ты сам не видишь? — отвечал мальчик.

— Я, кажется, не различаю цвета, — растерянно признался Тыквоголовый, оглядевшись вокруг.

— Трава фиолетовая, и деревья фиолетовые, и дома, и изгороди — все фиолетовое, — объяснял ему Тип. — А в Изумрудном Городе все зеленое, в стране, что лежит к востоку, — все голубое, в Южной Стране Кводлингов — все розовое, а в Западной, Мигунов, где правит Железный Дровосек, — все желтое.

— А-а, — протянул Джек. Помолчав немного, он переспросил: — Ты говоришь, что Мигунами правит Железный Дровосек?

— Да, это он помог Дороти победить Злую Ведьму Запада, и в благодарность за это Мигуны избрали его своим правителем, а Страшилу народ Изумрудного Города сделал своим королем.

— О Боже! — вздохнул Джек. — Я совсем запутался. Кто такой Страшила?

— Это еще один друг Дороти, — отвечал Тип.

— А кто такая Дороти?

— Это девочка, которая прилетела из Канзаса, расположенного где-то в Потустороннем Мире. Она прилетела сюда на урагане, а в путешествии по Стране Оз ее сопровождали Страшила и Железный Дровосек.

— Где же она теперь? — не унимался Тыквоголовый.

— Глинда, правительница Кводлингов, помогла ей вернуться домой, — отвечал мальчик.

— А что случилось со Страшилой?

— Я уже сказал тебе. Он правит Изумрудным Городом, — терпеливо растолковывал ему Тип.

— А я думал, что им правит Волшебник — ты сам, кажется, так сказал, — бедняга Джек совсем растерялся.

— Сказал, но не так. Слушай еще раз и будь внимателен, — Тип старался говорить медленно, глядя прямо в глаза улыбающемуся Тыквоголовому. — Дороти отправилась в Изумрудный Город просить Волшебника, чтобы тот отправил ее обратно в Канзас. Страшила и Железный Дровосек пошли вместе с ней. Однако Волшебник не смог отправить ее домой — он оказался не очень-то и могущественным. Когда же ему пригрозили разоблачением, он сделал большой воздушный шар и улетел на нем неизвестно куда, и с тех пор никто его не видел.

— Поразительно интересная история, — удовлетворенно заключил Джек, — и я понял в ней решительно все, кроме твоих объяснений.

— Вот и хорошо, — одобрил Тип. — После того как Волшебник улетел, народ Изумрудного Города избрал Страшилу своим королем, и, говорят, он пользуется всеобщей любовью.

— Мы с ним познакомимся? — поинтересовался Джек.

— Можем познакомиться, — ответил мальчик, — если ты, конечно, не против.

— Ни в коем случае, дорогой папаша, — сказал Тыквоголовый. — Я с тобой всегда заодно.

4. Тип пробует колдовать

Невысокому и хрупкому на вид мальчику было очень неловко, когда его называл папашей неуклюжий тыквоголовый верзила. Чтобы избежать утомительных объяснений, он решил переменить тему разговора и спросил:

— Ты не устал?

— Нисколько, — отвечал его спутник. — Однако, — продолжал он, помолчав, — если я буду так шагать и дальше, мои деревянные суставы очень скоро сносятся.

«А он, пожалуй, прав», — подумал Тип. И тут же пожалел о том, что не подогнал деревянные части тела друг к другу более аккуратно. Но разве мог он предположить, что пугало, которое он смастерил, чтобы разыграть старую Момби, будет оживлено при помощи волшебного порошка?

Что ж, укорять себя не было смысла, надо было думать о том, как помочь Джеку.

Тем временем они подошли к опушке леса, и мальчик присел отдохнуть на старые козлы для пилки дров, оставленные там каким-то дровосеком.

— Ты не хочешь сесть? — предложил он Тыквоголовому.

— Это не повредит моим суставам? — осторожно справился тот.

— Напротив, они отдохнут, — уверил его паренек.

Джек попытался было сесть, но ноги под ним подломились в коленях, и он шлепнулся на землю с таким треском и грохотом, что Тип испугался, не разлетелось ли его творение на куски.

Он кинулся к бедняге, поднял его, распрямил руки и ноги, ощупал голову, проверяя, не треснула ли она случайно. Джек оказался цел и невредим, тем не менее Тип решил его на будущее остеречь:

— Наверное, тебе лучше будет на всякий случай стоять.

— Очень хорошо, дорогой папаша, как ты скажешь, так я и буду делать, — отвечал улыбающийся Джек, нимало не обескураженный своим падением.

Тип снова сел, а Тыквоголовый тотчас задал новый вопрос:

— Что это за штука, на которой ты сидишь?

— О, это козлы, — ответил мальчик и тут же раскаялся, ибо Джек потребовал дальнейших объяснений.

— Что такое козлы? — спросил он.

— Козлы? Во-первых, их нельзя путать с козлами, — начал Тип, стараясь говорить как можно понятнее. — Козлы — это животные, у них есть у каждого голова и хвост, так же, как, например, у коня.

— Я понял, — бодро сказал Джек. — На таком коне ты как раз и сидишь.

— Ты опять напутал, это вовсе не конь, — перебил его Тип.

— Ничего не напутал: вот — четыре ноги, вот — голова, а вот — хвост.

Тип посмотрел на козлы внимательнее и нашел, что Тыквоголовый, как ни странно, прав. Ствол дерева, служивший поперечиной, и впрямь мог сойти за туловище, а ветка, оставленная на одном его конце, была очень похожа на хвост. На другом конце торчали два сучка, напоминающие глаза, а под ними кусок дерева был так чудно вырублен, что его можно было принять за рот. Что касается ног, то их роль выполняли четыре деревянных бруса, поперек которых клали бревно для распиливания.

— Эта штука действительно напоминает коня, — согласился Тип. — Только настоящие кони, как и настоящие козлы, бегают и едят траву, а эти козлы сделаны из дерева специально для пилки Дров.

— Если бы они были живые, они бы бегали и ели траву? — спросил Тыквоголовый.

— Бегать, может быть, и бегали бы, а траву есть — навряд ли, — ответил мальчик и рассмеялся при мысли о столь невероятном и нелепом превращении. — И как же они могут ожить, если они деревянные?!

— Но я-то ожил, — возразил Тыквоголовый. Тип удивленно взглянул на него.

— Не сам же собой! — воскликнул он. — А только благодаря волшебному порошку, который лежит сейчас у меня в кармане!

Он достал перечницу и с любопытством осмотрел ее.

— Интересно, — проговорил он задумчиво, — сможет ли порошок оживить козлы?

— Если их оживить, — невозмутимо рассуждал Джек, которого, казалось, ничто не могло удивить, — я смогу ехать верхом и поберечь свои суставы.

— Что ж, я попробую! — воскликнул мальчик, вскакивая на ноги. — Только боюсь, я забыл, что именно произносила старая Момби и как она разводила руками.

Он думал с минуту, и поскольку, сидя за изгородью, сумел разглядеть каждое движение старой ведьмы и расслышать каждое ее слово, то решил, что сможет повторить в точности все, что она говорила и делала.

Итак, для начала он вытряхнул немного оживительного порошка из перечницы на козлы. Затем он поднял вверх левую руку, оттопырив мизинец, и сказал:

— Вау!

— Что это ты такое говоришь, дорогой папаша? — поллюбопытствовал Джек.

— Сам не знаю, — отвечал Тип. Затем он поднял правую руку, оттопырил большой палец и сказал: — Тау!

— А это что означает, дорогой папаша? — продолжал интересоваться Джек.

— Это значит, что лучше тебе помолчать! — отвечал мальчик, не желая, чтобы ему мешали в такой важный момент.

— Понимаю, понимаю! — закивал Тыквоголовый со своей неизменной улыбкой. Тип поднял теперь обе руки над головой, широко растопырил пальцы и громко вскричал:

— Вау!

В тот же миг козлы зашевелились, потянулись, зевнули, широко разинув при этом рот-зарубку и отряхивая остатки порошка со спины.

— Молодец! — закричал Джек, мальчик же стоял, не веря своим глазам. — Ты у меня хоть куда, дорогой папаша!

5. Живые козлы

Конь, минуту назад бывший всего лишь козлами, испытывал изумление не меньшее, чем Тип. Он таращил глаза во все стороны, разглядывая мир, в котором ему предстояло отныне жить. Затем он попытался оглядеть самого себя, но, не имея шеи, не мог, увы, повернуть голову и принужден был поэтому крутиться волчком. Он так неуклюже двигался, что в конце концов налетел на Тыквоголового Джека и пихнул его — тот рухнул, где стоял, на обочине дороги.

Встревоженный не на шутку. Тип закричал:

— Тпру! Тпру же!

Козлы не обратили на команду никакого внимания, скачка по кругу продолжалась, и уже в следующее мгновение нога деревянного скакуна опустилась на ступню Типа с такой силой, что мальчик подпрыгнул от боли. Он отскочил в сторону на безопасное расстояние и оттуда вновь закричал:

— Тпру! Тпру, я тебе говорю!

Джек ухитрился принять сидячее положение и смотрел теперь на Коня с большим интересом.

— Мне кажется, это животное тебя не слышит, — заметил он.

— Разве я кричу недостаточно громко? — сердито спросил Тип.

— Но у него нет ушей, — рассудительно объяснил Тыквоголовый.

— Точно! — воскликнул Тип, впервые обратив внимание на это обстоятельство. — Как же мне теперь его остановить?

Но в этот момент Конь взял да и остановился сам, отказавшись наконец от попыток увидеть собственное туловище. Зато он увидел Типа и тут же подошел к мальчику поближе.

Походка этого создания была поистине смехотворна — шагая, оно переставляло сначала обе правые ноги, потом обе левые, на манер иноходца. При этом туловище раскачивалось из стороны в сторону, как люлька.

Тип погладил его по голове и сказал льстивым голосом:

— Хороший мальчик! Хороший!

Конь испуганно отскочил прочь и стал теперь таращиться на Тыквоголового Джека.

— Нужно найти для него уздечку, — решил Тип.

Порывшись в кармане, он нашел моток крепкой веревки, с нею приблизился к Коню и один конец обмотал вокруг шеи, а другой привязал к большому дереву. Но тут непонятливый Конь

сделал шаг в сторону, и веревка лопнула. Бежать он, впрочем, никуда не собирался.

— Ну и сила! — восхитился мальчик. — Только уж очень строптив!

— А что, если сделать ему уши? — предложил Тыквоголовый. — Тогда бы он тебя слушался.

— Отличная мысль, — обрадовался Тип. — Как это ты додумался?

— А я не думал нисколько, — скромно признался Тыквоголовый. — Тут и думать нечего.

Тип достал нож и выстругал из коры молодого дерева несколько ушей на пробу.

— Не стоит их делать очень большими, — рассуждал он сам с собой, — не то он у нас превратится в осла.

— Как это? — осведомился Джек с обочины.

— У коня, видишь ли, уши больше, чем у козла, а у осла — больше, чем у коня, — объяснил Тип.

— А будь у меня уши подлиннее, кем бы я был? — спросил Джек.

— Друг мой, — серьезно ответил ему Тип, — ты всегда будешь Тыквоголовым, и уши тут совершенно ни при чем.

— Понял, — с готовностью отозвался Джек, а потом осторожно добавил: — Это я так думаю, что понял.

— Думай на здоровье, — сказал мальчик, — еще никто и никогда не думал головой, в которой ничего нет, кроме семечек. Ну, кажется, уши готовы.

Подержи Коня, пока я их укреплю.

— С удовольствием, только помоги мне встать, — попросил Джек.

Тип поднял его и поставил на ноги. Тыквоголовый подошел к Коню и обхватил руками его голову, а Тип тем временем ножом проделал в ней отверстия и вставил туда два уха.

— Как они ему идут! — восхитился Джек.

Но эти слова, произнесенные прямо над ухом Коня, который до этого был совершенно глух, страшно перепугали животное. Он рванулся, да так, что Тип отлетел в одну сторону, а Джек в другую, и бросился вскачь, наводя на себя ужас топотом собственных копыт.

— Тпру! — закричал Тип, поднимаясь с земли. — Тпру! Эй ты, глупый, тпру!

Навряд ли Конь обратил внимание на крики Типа, но в этот самый миг нога его попала в суслицью нору, он споткнулся, полетел кувырком, опрокинулся на спину и остался так лежать, неистово молотя всеми четырьмя ногами в воздухе.

Тип подбежал к нему.

— Ну что ты за странный конь! — воскликнул он. — Почему ты не остановился, когда я тебе закричал «Тпру!»?

— Я не знал, что значит «Тпру», — сказал Конь неуверенно, закатывая глаза, чтобы рассмотреть стоящего над ним мальчика.

— Это значит «стой», — объяснил Тип.

— А дырка в земле тоже значит «стой»? — осведомился Конь.

— Если в нее провалишься — точно, — подтвердил Тип.

— Где это я? — продолжало расспрашивать чудное создание. — И что это я тут делаю?

— Ты теперь живой, — стал ему растолковывать мальчик, — но это совсем неплохо, вот увидишь, особенно если будешь мне во всем помогать и во всем меня слушаться.

— Ну, конечно, я буду тебя слушаться, — покорно согласился Конь. — Но что же все-таки со мной произошло? Я как будто не совсем в порядке.

— Ты просто лежишь вверх ногами, — ответил Тип. — Не брыкайся, будь добр, и я попытаюсь тебя вернуть в нормальное положение.

— Сколько же у меня положений? — удивился новорожденный скакун.

— Много, — коротко ответил Тип. — Не брыкайся, пожалуйста.

Конь лежал теперь смиренно, и Тип, поднатужившись, сумел его перевернуть и поставить на ноги.

— Вот теперь, кажется, все в порядке, — сказала четвероногое чудо, облегченно вздохнув.

— Только одно ухо отломилось, — заключил Тип после тщательного осмотра. — Нужно сделать новое.

Он повел Коня назад, к Джеку, который все никак не мог разобраться с собственными ногами, и помог Тыквоголовому встать. Потом вырезал из коры новое ухо и укрепил его на лошадиной голове.

— Теперь, — сказал Тип неразумному скакуну, — слушай меня внимательно. «Тпру!» означает «стой», «Но!» — «иди вперед», «Пшел!» — «скачи, что есть мочи». Теперь понял?

— Понял, — сказал Конь, — и готов выполнять.

Тип помог Джеку взгромоздиться на лошадь.

— Держись крепче, — предостерег он, — а не то упадешь и расколешь свою тыкву.

— Об этом страшно даже подумать, — содрогнулся Джек. — Но за что же мне держаться?

— Да хотя бы за уши, — поколебавшись немного, разрешил Тип.

— Нет, только не за уши! — запротестовал Конь. — Я же ничего не буду слышать.

Довод был резонным, и Тип задумался.

— Кажется, придумал, — сказал он наконец, после чего пошел в лес и срезал короткую ветку с крепкого молодого деревца. Один конец ее он заострил и вставил в отверстие, специально сделанное им в спине Коня позади головы. Затем поднял с дороги камень и накрепко вогнал колышек в спину животного.

— Стой! Стой! — закричал Конь. — Что это ты там делаешь?

— Тебе что, больно? — спросил мальчик.

— Не то чтобы больно, — отвечало животное, — но ужасно щекотно!

— Уже все, — ободряюще сказал Тип. — Теперь, Джек, знай себе держись за этот кол, и тебе не грозит никакая опасность.

Джек уселся поудобнее, и Тип скомандовал лошади: «Но!»

Послушные козлы тотчас зашагали вперед, раскачиваясь из стороны в сторону и высоко задирая ноги.

Тип шел рядом, очень довольный тем, что их компании прибыло. Он начал даже насвистывать.

— Что это за звук? Что он означает? — тревожно спросил Конь.

— Не обращай внимания, — сказал Тип, — это свист, и он не означает ничего, кроме того, что мне весело.

— Я бы тоже свистел, если бы мог сложить губы в трубочку, — заметил Джек. — Боюсь, дорогой папаша, что в некоторых отношениях я еще очень несовершенно.

Узкая тропка, по которой они шагали, вскоре превратилась в широкую дорогу, мощенную желтым кирпичом. На обочине дороги Тип заметил указатель с надписью:

«ДО ИЗУМРУДНОГО ГОРОДА ПЯТНАДЦАТЬ КИЛОМЕТРОВ».

Между тем стало темнеть, и он решил остановиться на ночлег, чтобы завтра с рассветом продолжить путешествие. Неподалеку от дороги расстился зеленый лужок, окруженный высокими пышными кустами. Тип вывел на него Коня и очень осторожно помог Тыквоголовому спешиться.

— Я думаю, тебе ночью лучше полежать, — посоветовал мальчик, — целей будешь.

— А я? — спросил Конь.

— Тебе и постоять не вредно, — ответил Тип. — А раз ты все равно не спишь, можешь ходить дозором и следить, чтобы нас никто не потревожил.

С этими словами мальчик растянулся на траве подле Тыквоголового и тут же уснул, ведь за день он сильно устал.

6. Тыквоголовый Джек въезжает в Изумрудный Город

На рассвете Тыквоголовый разбудил Типа. Тип протер глаза, умылся в ручейке и съел кусок хлеба с сыром. Изготовившись таким образом к походу, мальчик сказал:

— Теперь — в путь! До Изумрудного Города пятнадцать километров, и, если ничего не случится, мы будем там в полдень.

Тыквоголовый опять сел верхом на Коня, и путешествие возобновилось.

Тип обратил внимание, что фиолетовый цвет травы и деревьев заметно поблек, стал бледно-лиловым, и чем ближе они подходили к Изумрудному Городу, тем явственнее проступали в нем зеленые оттенки.

Маленькая компания дружно шагала вперед, но не успели они пройти и двух миль, как дорога из желтого кирпича оборвалась — путь преградила широкая и быстрая река. Тип стал прикидывать, как бы ее пересечь, и вдруг заметил паром, направлявшийся прямехонько к их берегу, а на нем какого-то человека.

Когда паром пристал. Тип обратился к его хозяину с вежливой просьбой:

— Не будете ли вы так добры перевезти нас на ту сторону?

— За деньги — перевезу, — отвечал паромщик, на вид сердитый и неприветливый.

— Но у меня нет денег, — растерялся Тип.

— Совсем? — уточнил его собеседник.

— Совсем, — развел руками мальчик.

— Тогда зачем мне надрываться — везти тебя на тот берег? — спросил паромщик.

Тут в беседу неожиданно вступил Тыквоголовый.

— Счастлив с вами познакомиться, — затараторил он с радостной улыбкой. — Вы просто на редкость милый человек!

Паромщик смерил его недоуменным, презрительным взглядом, однако ничего не сказал. Тип совсем пригорюнился: похоже было, что их путешествие закончилось, едва начавшись.

— Но мне очень нужно в Изумрудный Город, — сказал он паромщику, — а без вашей помощи через реку не перебраться.

Человек засмеялся, и смех его был недобрый.

— Эти твои козлы, вообразившие себя конем, поплывут, как бревно, — сказал он, — а верхом на бревне переплыть реку ничего не стоит. Что до тыквоголового недотепы, который тебе прислуживает, то он если и потонет — беда невелика.

— Обо мне не волнуйтесь, — попросил Джек, мило улыбаясь ворчливому паромщику, — я лично уверен, что выплыву.

Тип прикинул и решил попробовать. Конь не возражал: он просто не знал по неопытности, что такое опасность. Мальчик завел его в воду и сел верхом. Джек тоже зашел в воду и ухватился за конский хвост. Теперь над водой была видна лишь его голова-тыква.

— А ну-ка, — обратился Тип к Коню, стараясь говорить внятно и доходчиво, — начинай изо всех сил болтать ногами. Глядишь, с твоей помощью мы переберемся на другой берег.

Конь принялся перебирать ногами, загребая воду, как веслами, и медленно повлек путешественников через реку на противоположную сторону. Скоро они уже выбрались на траву, мокрые, но очень довольные.

Конь плыл так аккуратно, что у Типа вымокли лишь башмаки и штаны до колен. Тыквоголовый же, само собой разумеется, промок до нитки.

— На солнышке мы быстро обсохнем, — успокоил его Тип. — Главное, что мы благополучно перебрались через реку, даже и без помощи паромщика, а значит, можем теперь продолжить наше путешествие.

— Мне понравилось плавать, — заметил Конь.

— И мне, — добавил Джек.

Вскоре они вновь вышли на дорогу из желтого кирпича, и Тип опять усадил Тыквоголового верхом.

— Если скакать быстро, — посоветовал он, — одежда высохнет на ветру вмиг. Я могу бежать позади, держась за хвост Коня. Так мы все трое и обсохнем.

— Тогда пусть Конь прибавит шагу, — предложил Джек.

— Рад стараться, — бодро отозвался Конь.

Тип ухватился за конец ветки, служившей тому хвостом, и громко скомандовал: «Но!»

Конь резко зашагал вперед. Тип — за ним, сзади. Вскоре он решил, что они могли бы двигаться еще быстрее, и крикнул: «Пшел!»

Конь уже знал, что это слово означает приказ бежать как можно быстрее, и бросился вскачь, да так, что Тип, поспешая за ним, еле успевал перебирать ногами. Он мчался, как не бегал никогда в жизни, и скоро так запыхался, что не мог даже крикнуть «Тпру!». А тут еще кончик хвоста, за который он держался — ведь это была всего лишь сухая ветка, — вдруг оторвался, и мальчик покотился кубарем в дорожную пыль. Конь с тыквоголовым наездником продолжали нестись вперед и скоро совсем исчезли из виду.

Когда Тип через некоторое время поднялся наконец и откашлялся, он уже без труда мог крикнуть «Тпру!», но кричать было некому.

Самое разумное в таком положении — присесть и отдохнуть, что он и сделал. Потом поднялся и тронулся дальше.

— Рано или поздно я их обязательно догоню, — решил про себя Тип, — дорога ведет к воротам Изумрудного Города, и мимо им никак не проехать.

Конь между тем лихо скакал вперед, Джек — на нем, вцепившись в упор обеими руками. Ни тот, ни другой даже не подозревали, что Тип отстал, ведь Тыквоголовый боялся оглянуться, а Конь оглянуться и вовсе не мог.

На скаку Тыквоголовый успел заметить, что трава и деревья сильно позеленели, и по этому догадался, что они приближаются к Изумрудному Городу, еще прежде, чем увидел его высокие купола и шпили.

Вдруг прямо перед ними возникла высокая стена, сложенная из зеленого камня и густо усеянная изумрудами. Конь и не подумал остановиться (он этого просто пока не умел), и не миновать бы им беды, да, к счастью, Джек в последний миг завопил что есть мочи: «Тпру!»

Конь остановился так неожиданно, что, не держись Джек за распорку, он, конечно, кувыркнулся бы через голову, а возможно, остался бы совсем без головы.

— Вот это была скачка, дорогой папаша! — воскликнул он; не слыша ответа, оглянулся и тут только обнаружил, что Тип исчез.

Это обстоятельство сильно озадачило и обеспокоило Тыквоголового. Пока он сокрушался о мальчишке и соображал, что ему делать дальше, ворота в зеленой стене открылись, и из них вышел человек.

Это был толстенький коротышка с круглым и добродушным лицом. Одет он был во все зеленое, на голове — высокая остроконечная шляпа, на глазах — зеленые очки. Он

поклонился Тыквоголовому и сказал:

— Я — Страж Ворот Изумрудного Города. Позвольте осведомиться, кто вы такой и чем занимаетесь?

— Меня зовут Тыквоголовый Джек, — ответил тот улыбаясь, — а чем я занимаюсь — мне пока и самому неведомо.

Страж Городских Ворот очень удивился и покачал головой, явно неудовлетворенный ответом.

— Так кто же вы все-таки: человек или тыква? — переспросил он вежливо.

— Или то или другое — уж как вам будет угодно, — любезно отвечал Джек.

— А этот деревянный конь неужели живой? — снова спросил Страж.

Конь покосился на него круглым глазом, а другим хитро подмигнул Джеку. Потом весьма грациозно взбрыкнул и, как бы случайно, наступил копытом Стражу на ногу.

— Ой! — воскликнул тот. — Прошу прощения за вопрос. Ответ очень убедителен. У вас, наверное, есть какое-нибудь дело в Изумрудном Городе?

— Кажется, есть, — отвечал Тыквоголовый очень серьезно, — только какое, я не знаю. Все знает папаша, но его-то здесь как раз и нет.

— Странно, очень странно! — почесал в затылке Страж. — Впрочем, на вид вы вполне безобидны. Разве мог бы злодей так чудесно улыбаться?

— А я по-другому не умею, — сказал Джек. — Ведь улыбка вырезана на моем лице перочинным ножом.

— Ну ладно, пойдете ко мне, — заключил Страж, — а там что-нибудь придумаем.

И Джек въехал верхом на Коня сначала в ворота, а потом в залу, устроенную в городской стене. Страж дернул за шнурок звонка, и тотчас же из другой двери появился очень высокий солдат, одетый во все зеленое. На плече он нес зеленое ружье, лицо его украшали роскошные зеленые бакенбарды необыкновенной длины.

Страж обратился к нему:

— Вот странник, который не знает, зачем он прибыл в Изумрудный Город и что ему здесь нужно. Как нам с ним быть? Посоветуй.

Солдат с Зелеными Бакенбардами оглядел с любопытством Джека, потом энергично тряхнул головой, так что бакенбарды разлетелись в разные стороны пушистой волной, и сказал:

— Надо бы странника отвести к его величеству Страшиле.

— А зачем он, собственно, его величеству Страшиле? Да и ему что за дело до его величества? — спросил Страж Ворот.

— Это уж пусть думает его величество, — отвечал Солдат, — или вдвоем пусть что-нибудь сообразят. А у меня своих дел по горло. Так что надень-ка на этого парня очки, и я отведу его напрямиком в королевский дворец.

Страж открыл большую коробку, в которой лежало множество очков, и стал подбирать для Джека подходящую пару.

— Боюсь, у меня ничего для тебя не найдется, — вздохнул он наконец. — Голова уж очень большая, придется очки сзади связать веревочкой.

— А зачем мне вообще очки? — спросил Джек.

— Это у нас в Изумрудном Городе такой обычай, — объяснил Солдат. — Без них ты можешь ослепнуть от блеска и сверкания драгоценных камней.

— Вот как! — воскликнул Джек. — Тогда наденьте на меня скорее очки, я не хочу ослепнуть!

— И я не хочу, — вмешался Конь, и еще одна пара зеленых очков была извлечена из коробки и водружена на выпяченные сучки, служившие ему глазами.

Затем Солдат с Зелеными Бакенбардами провел их сквозь внутренние ворота, и они оказались на блистающей великолепием главной улице Изумрудного Города.

Драгоценные камни, переливающиеся всеми оттенками зеленого цвета, украшали фасады домов, крыши и башни. Даже тротуар был из зеленого мрамора, что должно было производить неотразимое впечатление, особенно на того, кто видел это впервые.

Однако Тыквоголовый и Конь мало смыслили в красоте и еще меньше в богатстве, а потому довольно равнодушно отнеслись к чудесному зрелищу, открывшемуся им сквозь зеленые очки. Они чинно следовали за зеленым воином сквозь толпы любопытных зевак. Какой-то зеленый пес выскочил было на них с лаем. Но Конь, недолго думая, лягнул его деревянной ногой, и пес с воем убрался назад в свою подворотню. Никаких более серьезных происшествий по дороге к дворцу не случилось.

Тыквоголовый хотел было въехать верхом по зеленым мраморным ступеням дворца прямо в покои Страшилы, но Солдат воспротивился. Джеку пришлось спешиться и отдать Коня на попечение слуги, после чего в сопровождении Солдата с Зелеными Бакенбардами он вступил во дворец через парадный вход.

Оставив чужестранца в богатой приемной. Солдат пошел о нем доложить. Его величество был в этот час свободен и скучал без дела, поэтому посетителя велено было немедля провести в тронный зал.

Непонятливый Джек не испытывал ни страха, ни робости при мысли о том, что ему предстоит встреча с правителем столь великолепного города. Но когда он вошел в зал и увидел его величество Страшилу на сверкающем алмазами троне, он замер в совершеннейшем изумлении.

7. Его величество Страшила

Читателю этой книги, наверное, уже известно, кто такой Страшила, но Тыквоголовый Джек почти ничего не знал о неподражаемом правителе Изумрудного Города, а потому изумлению его не было предела.

Страшила был одет в костюм блекло-голубого цвета, его голова представляла собой небольшой мешок, набитый соломой, с грубо намалеванными на нем глазами, ушами, носом и ртом. Одежда была также набита соломой, но крайне небрежно — где густо, где пусто. Руками его величеству служили перчатки, плотно набитые ватой. То тут то там из монаршего сюртука, из-за шиворота, из штанов торчали пучки соломы. Голову Страшилы украшала золотая корона, густо усыпанная сверкающими драгоценными камнями, — под ее тяжестью

на лбу собрались морщины, что придавало нарисованному лицу глубокомысленное выражение. Пожалуй, если бы не корона, Страшила-Король был бы просто Страшилой, то есть обычным огородным пугалом — нескладным и неуклюжим.

Если Джека поразил внешний вид его величества, то и Страшилу вид Тыквоголового поразил ничуть не меньше. Бордовые штаны, розовый жилет и красная рубашка болтались на странном посетителе, как на вешалке, а на физиономии-тыкве застыла глуповато-счастливая улыбка.

Сперва Страшила подумал, что гость смеется над ним, и хотел уже было обидеться. Но не случайно правитель Страны Оз прославился мудростью. Внимательнее приглядевшись, он заметил, что черты лица Джека вырезаны раз и навсегда, так что серьезный вид тот не мог бы принять, даже если бы очень захотел.

В течение нескольких минут два пугала молча разглядывали друг друга. Король заговорил первым. Он спросил:

— Откуда ты пришел и каким образом ты ожил?

— Прошу прощения, ваше величество, — отвечал Тыквоголовый, — но я вас не понимаю.

— Как не понимаешь? — удивился Страшила.

— Я же не знаю вашего языка, — пояснил Джек. — Я, видите ли, иностранец, пришел из Страны Гилликинов.

— Ах, вот в чем дело! — воскликнул Страшила. — Сам-то я говорю на языке Жевунов, как и все в Изумрудном Городе. Ты же, как я полагаю, говоришь на языке Тыквоголовых?

— Точно так, ваше величество, — отвечал его собеседник, энергично кивая, — так что понять друг друга нам, увы, невозможно.

— Экая досада! — пожалел Страшила. — Придется искать переводчика.

— Кто такой переводчик? — спросил Джек.

— Человек, который понимает сразу два языка — твой и мой. Когда я тебе что-нибудь скажу, переводчик растолкует тебе смысл моих слов, а когда ты мне что-нибудь ответишь, он растолкует мне смысл твоих слов. Ибо переводчик не только понимает оба языка, но и говорит на них с одинаковой легкостью.

— Это вы здорово придумали, — похвалил Джек, весьма довольный тем, что из сложного положения нашелся такой простой выход.

Страшила тут же приказал Солдату с Зелеными Бакенбардами поискать среди жителей Изумрудного Города кого-нибудь, кто понимал бы язык Гилликинов, и тотчас доставить этого ученого человека ко двору.

Когда Солдат вышел. Страшила предложил:

— Не хочешь ли пока присесть?

— Ваше величество забыли, что я его не понимаю, — отвечал Тыквоголовый. — Если вы предлагаете мне присесть, сделайте какой-нибудь знак.

Страшила сошел с трона и пододвинул кресло к Тыквоголовому сзади. Затем он неожиданно пихнул Джека в грудь, так, что тот рухнул на мягкие подушки, сложившись при этом с громким

стуком, как перочинный нож.

— Ты понял мой знак? — вежливо спросил Страшила.

— Вполне, — ответил Джек, руками поворачивая свою голову лицом вперед. Время от времени в этом возникала нужда, поскольку тыква слишком свободно вращалась на стержне, служившем шеей.

— Делали тебя, похоже, наспех, — заметил Страшила, наблюдая за безуспешными попытками Джека распрямить длинные ноги.

— Вас, похоже, тоже, ваше величество, — последовал ответ.

— Есть, однако, и разница: я гнусь, но не ломаюсь, а ты ломаешься, но не гнешься.

В этот момент вернулся Солдат, ведя за руку молоденькую девушку, очень приятную и скромную на вид. Лицо у нее было премиленькое, а глаза и волосы восхитительно зеленого цвета. Изящная зеленая шелковая юбка достигала коленей, открывая зеленые шелковые чулки с вышивкой в виде стручков гороха и зеленые атласные туфельки, украшенные вместо бантов или пряжек пучками салата латука. По пояску были вышиты листочки клевера, изящный маленький жакет украшали изумруды.

— Ба, да это Джелия Джемм! — воскликнул Страшила, когда девушка вежливо поклонилась.

— Ты понимаешь язык Гилликинов, милочка?

— О да, ваше величество, — ответила та, — ведь я родилась там.

— Тогда будь нашим переводчиком, — попросил Страшила, — и передай этому Тыквоголовому все, что я ему скажу, а мне передай все, что он мне скажет. Такой порядок тебя устроит? — спросил он, поворачиваясь к гостю.

— Лучше не придумаешь, — одобрил тот.

— Тогда спроси его для начала, — обратился Страшила к Джелии, — что привело его в Изумрудный Город?

Но девушка, пристально посмотрев на Джека, вдруг сказала ему:

— Ну и странное же ты создание! Кто тебя сделал?

— Мальчик по имени Тип, — ответил Джек.

— Что он говорит? — осведомился Страшила. — Мои уши, должно быть, меня обманывают. Что он такое сказал?

— Он сказал, что мозги вашего величества, кажется, совсем перевернулись, — отвечала девушка застенчиво.

Страшила заерзал на троне и оцупал свою голову руками.

— Какое это, наверное, счастье — понимать два разных языка, — сказал он растерянно. — Спроси-ка его еще, милочка, не будет ли он возражать, если я велю посадить его в тюрьму за оскорбление правителя Изумрудного Города.

— Но я не оскорбил вас! — негодуяще воскликнул Джек.

— Ш-ш-ш! — остановил его Страшила. — Подожди, пока Джелия переведет мою речь. Зачем же нам переводчик, если ты влезаешь без очереди?

— Ладно, подожду, — угрюмо отвечал Тыквоголовый, меж тем как его лицо улыбалось так же весело и добродушно, как всегда.

— Переведи-ка его речь, уважаемая.

— Его величество интересуется, не голоден ли ты, — сказала Джелия.

— О, нисколько! — отвечал Джек, сразу приободрившись. — Тем более что я вообще никогда не ем.

— И я тоже, — кивнул Страшила. — Что он говорит, милочка?

— Он спрашивает, известно ли вам, что у вас один глаз больше другого? — лукаво сказала девушка.

— Не верьте ей, ваше величество! — вскричал Джек.

— А я и не верю, — спокойно ответил Страшила. Бросив на девушку пронзительный взгляд, он спросил: — Ты правда понимаешь и язык Гилликинов, и язык Жевунов?

— Совершенно верно, ваше величество, — отвечала Джелия Джемм, изо всех сил стараясь не рассмеяться в лицо королевской особе.

— Но почему же я понимаю их оба? — осведомился Страшила.

— Да потому, что это один и тот же язык! — открыто рассмеялась девушка. — Неужто ваше величество не знает, что в Стране Оз все говорят на одном языке?

— Правда?! — вскричал Страшила с явным облегчением. — Значит, меня нечего переводить!

— Это все я виноват, ваше величество, — покаялся Джек, выходя, надо сказать, довольно глупо. — Я-то думал, что раз мы из разных королевств, то должны непременно говорить на разных языках.

— Впредь не думай, — строго предупредил его Страшила. — Если с думанием туго, будь лучше просто пугалом — тоже достойное занятие.

— Буду просто пугалом, — согласился Джек.

— Сдается мне, — продолжал Страшила уже более мягко, — что пирог с отменной начинкой лучше, чем негодная голова.

— Увы, ваше величество, я не мог себе выбрать другую, — вздохнул Джек.

— Жаль! Впрочем, ведь и я тоже, — добродушно улыбнулся Страшила. — А раз мы с тобой товарищи по несчастью — давай дружить!

— С сердечным удовольствием! — обрадовался Джек.

— Как! У тебя есть сердце? — удивленно спросил Страшила.

— Нет, — смутился его собеседник, — это только говорится так, для красоты.

— Ты и сам красавец хоть куда, — уверил его Страшила. — О красотах речи я бы на твоём месте не заботился — как-никак для этого нужны мозги, а их-то у тебя и нету.

— Согласен! — на всякий случай не стал спорить Джек, хотя он решительно ничего не понял.

Милостиво отпустив Джелию Джемм и Солдата с Зелеными Бакенбардами, его величество взял своего нового друга за руку и повел его во двор — метать кольца в цель.

8. Армия повстанцев генерала Джинджер

Тип так торопился догнать Джека и Коня, что почти половину пути до Изумрудного Города прошел без остановки. К этому времени он сильно проголодался, но, увы, все припасы — и сухари, и сыр — уже были съедены.

Так он шел себе и шел и думал, где бы чего поесть, как вдруг заметил у обочины дороги юную девицу. Она сидела на траве, одета же была, как показалось мальчику, с царским великолепием: шелковый жилет изумрудно-зеленого цвета, юбка из разноцветных клиньев — спереди голубой, с левого боку желтый, сзади красный, а с правого боку — фиолетовый. Пуговицы на жилете тоже были четырех цветов: верхняя — голубая, потом желтая, потом розовая и нижняя — фиолетовая.

С трудом оторвав взгляд от красивого и яркого платья. Тип перевел взгляд на лицо его обладательницы и заметил, что оно очень хорошенькое, только уж слишком вызывающее и дерзкое. Пока паренек стоял так, раскрыв рот, девица в свою очередь обратила на него внимание. У ее ног стояла корзинка с едой, в одной руке она держала аппетитный бутерброд, в другой руке — сваренное вкрутую яйцо, при виде которых Типу захотелось есть еще сильнее.

Он уже собирался было попросить кусочек, но тут девица встала и отряхнула крошки с платья.

— Ну, — сказала она, — мне пора. Можешь понести эту корзинку, а если ты голоден — разрешаю тебе полакомиться ее содержимым.

Тип подхватил корзинку и потрусил следом за странной девицей, не надоедая ей вопросами, тем более что рот его был занят едой. Она быстро шагала впереди, и вид у нее был необыкновенно решительный и важный.

Утолив голод, он догнал хозяйку корзинки и пошел с нею рядом, стараясь не отставать, что было нелегко, ибо девица была длинноногая, намного выше Типа и, похоже, здорово спешила.

— Спасибо за бутерброды, — вежливо сказал Тип. — Как тебя зовут? Скажи, пожалуйста.

— Генерал Джинджер, — последовал краткий ответ.

— О-о! — изумился мальчик. — Ты генерал?

— Я командую Армией повстанцев, — отчеканила девица с излишней, пожалуй, резкостью.

— О-о! — еще больше удивился Тип. — А я и не знал, что идет война.

— Ты не мог этого знать, — объяснила Джинджер, — потому что это война. Просто чудо, что ее никто не разболтал, — ведь Армия состоит сплошь из девиц, — добавила она с гордостью. — Война идет, хотя об этом никто и не подозревает.

— Вот, оказывается, в чем дело, — Тип даже присвистнул. — А где же твоя Армия?

— Примерно в километре отсюда, — сказала Генерал Джинджер. — По моей команде повстанцы собрались со всей Страны Оз. Сегодня мы предполагаем победить и свергнуть с престола его величество Страшилу. Армия повстанцев ждет лишь моего прибытия, чтобы двинуться на Изумрудный Город.

— Ну и дела, — вздохнул Тип. — Кто бы мог подумать?! Но позволь тебя все-таки спросить, зачем вы хотите свергнуть его величество Страшилу?

— Довольно уже Изумрудным Городом правил мужчина, — заявила девица с вызовом. — Кроме того, город украшен драгоценными камнями, которые гораздо больше подходят для колец, браслетов и ожерелий, а на деньги, лежащие без толку в королевской казне, можно для каждого повстанца купить не меньше дюжины новых платьев. Вот почему мы намерены завоевать Город, свергнуть правительство и править отныне самостоятельно.

Эти слова Джинджер произнесла с энергией и решимостью, свидетельствовавшими о серьезности ее намерений.

— Но война ужасна! — напомнил Тип.

— Эта война будет очень приятной, — бодро отвечала девица.

— Многие из вас, возможно, будут убиты! — продолжал мальчик страшным голосом.

— Ну да! — дерзко усмехнулась Джинджер. — Ни один мужчина не сможет противостоять хорошенькой девушке, а уж тем более обидеть. А в моей Армии все — прехорошенькие.

Тип рассмеялся.

— Возможно, твой расчет верен, — признался он, — однако Страж Ворот считается верным Стражем, да и Королевское Войско не сдаст Город без боя.

— Войско разленилось и одряхлело, — бросила презрительно Генерал Джинджер. — У него только и забот, что отращивать бакенбарды, да и то половину повыдергала жена. Когда царствовал Волшебник, Солдат с Зелеными Бакенбардами был еще хоть куда, поэтому Волшебника многие боялись. Но кто, скажите на милость, боится Страшилу? Нет, Королевское Войско для войны давно уже негодно.

Некоторое время они шли молча и вскоре вышли на большую лесную поляну, где собралось несколько сот девиц. Они смеялись и болтали между собой, как сороки, так весело, словно собрались не на войну, а на пикник.

Тип заметил, что повстанцы, поделенные на четыре отряда, одеты точно так же, как Генерал Джинджер. Только у представительниц Королевства Жевунов спереди на юбках был голубой клин, у Квондилогов — розовый, Мигунов — желтый, а у Гилликинских девиц — фиолетовый. На всех были зеленые жилеты в честь Изумрудного Города, который они намеревались захватить, а цвет верхней пуговицы указывал на местность, откуда явилась обладательница жилета. В целом Армия выглядела очень изысканно и эффектно.

Тип подумал поначалу, что странные мятежницы безоружны, но он ошибался. У каждой из пучка волос на затылке торчали две длинные и блестящие вязальные спицы.

Генерал Джинджер взобралась на большой пенек и обратилась к Армии с речью.

— Подруги, согражданки и любезные девицы! — провозгласила она. — Мы начинаем великое восстание против мужчин Страны Оз! Мы завоюем Изумрудный Город — сбросим с трона Короля Страшилу — захватим тысячи драгоценных камней — разграбим королевскую казну — и будем властвовать над бывшими нашими угнетателями!

— Ура-а! — закричали те, кто ее услышал. Большая часть Армии, как показалось Типу, была слишком увлечена болтовней и даже не обратила внимания на речь своего Генерала.

Тут прозвучала команда выступить, девицы разбились на четыре отряда и быстрым шагом тронулись в направлении Изумрудного Города.

Мальчик тащился позади всех, согнувшись под грузом корзинок, пледов и тюков, которые поручили его заботам brave воительницы. Очень скоро они пришли к зеленым стенам Города и остановились у ворот.

Страж Городских Ворот вышел и принялся с любопытством разглядывать войско, как будто перед ним был цирк. Связка ключей болталась у него на шее, а руки были беспечно засунуты в карманы. Страж явно не подозревал о том, что у стен Города стоит враг, и обратился к девицам очень галантно:

— Доброе утро, лапочки! Чем могу быть вам полезен?

— Сдавайся немедленно! — приказала Генерал Джинджер, встав прямо перед ним и сурово насупившись, насколько это позволяло ее хорошенькое личико.

— Как — сдавайся? — поразился толстяк. — Почему? Зачем? Это беззаконие. Это неслыханно.

— Тем не менее — сдавайся! — свирепо повторила Джинджер. — Мы повстанцы!

— Вот никогда бы не сказал! — покачал головою Страж, переводя восхищенный взгляд с одной на другую.

— Нет, повстанцы! — вскричала Джинджер, нетерпеливо топая ногой. — Мы пришли, чтобы завоевать Изумрудный Город!

— Боже мой! — удивился Страж Городских Ворот. — Кто это вас надоумил? Идите скорее домой, девочки, идите к своим добрым мамашам — доите коров и пеките хлеб. Шуточное ли дело — завоевывать Город!

— Мы ничего не боимся! — отозвалась предводительница войска, и ее решительный вид обеспокоил Стража уже не на шутку.

Он позвонил в колокольчик, чтобы вызвать Солдата с Зелеными Бакенбардами, но в ту же минуту пожалел об этом, ибо немедленно был окружен толпой девиц, которые повыдергивали из волос вязальные спицы и начали ими размахивать в опасной близости от толстых щек и растерянно мигающих глазок злополучного Стража.

Бедняга громко запросил пощады и не стал оказывать ни малейшего сопротивления, даже когда Джинджер сорвала с его шеи связку с ключами.

Вся Армия во главе с Генералом бросилась к воротам и тут столкнулась с Королевским Войском Страны Оз — иначе говоря, с Солдатом с Зелеными Бакенбардами.

— Стой! — громко выкрикнул он, направляя свое длинное ружье на предводительницу.

Некоторые из девиц с визгом бросились наутек, но Генерал Джинджер не двинулась с места, а только проговорила укоризненно:

— Неужели ты сможешь застрелить бедную беззащитную девушку?

— Ни в коем случае, — ответил Солдат. — Тем более что ружье не заряжено.

— Неужели не заряжено?

— Нет, во избежание несчастных случаев. Я уж и забыл, куда запрятал порох и пули. Но если вы согласитесь немного обождать, я сбегая и разыщу.

— Не утруждай себя, — ответила Джинджер, после чего повернулась к Армии и громко объявила: — Девицы! Ружье не заряжено!

От этой новости мятежницы пришли в восторг. Они пронзительно закричали «ура!» и пошли в наступление на Солдата такой дружной толпой, что оставалось лишь удивляться, как это они спицами не поранили друг друга.

Однако Королевское Войско Страны Оз не решилось принять бой. Оно быстро развернулось и помчалось со всех ног через ворота к Королевскому Дворцу. Шумная ватага, возглавляемая Генералом Джинджер, повалила следом.

Таким вот образом Изумрудный Город был сдан врагу без всякого кровопролития, а Армия повстанцев стала Армией завоевателей!

9. Страшила замышляет побег

Тип без труда ускользнул от девиц и последовал за Солдатом с Зелеными Бакенбардами. При вступлении в Город Армия изрядно замешкалась: многие повстанцы принялись выковыривать вязальными спицами изумруды из городских стен и из мостовой. Поэтому Солдат и мальчик достигли дворца гораздо раньше, чем новость о том, что Изумрудный Город взят неприятелем.

Страшила и Тыквоголовый Джек продолжали по очереди бросать кольца, когда во двор ворвалось Королевское Войско, растерзанное, простоволосое и безоружное, с развевающейся по ветру всклокоченной бородой.

— Один — ноль в мою пользу, — невозмутимо проговорил Страшила и добавил, обращаясь уже к Солдату: — Что-то случилось, старина?

— Ах, ваше величество, ваше величество! Город во власти мятежников! — еле выдохнуло запыхавшееся Войско.

— Признаться, не ожидал, — удивился Страшила. — Пойди, пожалуйста, запри окна и двери, а я пока покажу Тыквоголовому еще один мастерский бросок.

Солдат поспешил выполнять приказ. Все это время Тип, вошедший за ним следом и остававшийся до сих пор незамеченным, в великом изумлении рассматривал Страшилу.

Его величество как ни в чем не бывало продолжал игру, Тыквоголовый же, поймав взгляд мальчика, поспешил к нему со всех своих деревянных ног, восторженно крича:

— Привет тебе, благородный родитель! Наконец-то мы снова вместе! Этот ужасный Конь чуть не унес меня неведомо куда.

— Так я и думал, — сказал Тип. — Ты не ранен? Не разбился?

— О нет, я цел и невредим, — отвечал Джек, — и к тому же обласкан его величеством.

В этот момент как раз вернулся Солдат с Зелеными Бакенбардами, и Страшила

поинтересовался у него:

— Не скажешь ли, кстати, кто устроил мятеж?

— Армия девиц, собравшихся со всех концов Страны Оз., — отвечал Солдат, все еще бледный от страха.

— А где же было мое Отважное Воинство? — спросил его величество, строго глянув на Солдата.

— Ваше Отважное Воинство бежало, — честно признался Солдат. — Но уверяю вас, перед грозным оружием, которым располагают захватчики, устоять просто невозможно.

— Что же, — сказал Страшила после минутного размышления, — трон, я считаю, — потеря небольшая. Мне, по правде говоря, уже и надоело править Изумрудным Городом, корона так тяжела, что от нее голова болит. Надеюсь, что мятежники ничего не имеют против меня лично и бунтуют только потому, что мне случилось быть королем.

— Напротив, — покачал головой Тип, — я как раз слышал, что они намерены из вашей тряпичной наружности сшить лоскутный ковер, а вашими внутренностями набить диванные подушки.

— Выходит, мне и впрямь грозит опасность, — решил Страшила. — А раз так, с моей стороны будет благоразумно подумать о побеге.

— Куда же ты предполагаешь бежать? — спросил Тыквоголовый Джек.

— Скорее всего, к моему другу Железному Дровосеку, правителю или, как он сам считает, императору Мигунов, — последовал ответ. — Я уверен, что найду у него защиту.

Тип выглянул в окно.

— Дворец окружен, — сказал он. — Бежать уже поздно. Они вот-вот ворвутся и разорвут вас на лоскуты.

Страшила вздохнул.

— В критическом положении, — сообщил он присутствующим, — важно отключиться и сосредоточиться. Вы уж меня извините, но я на минуточку отключусь и сосредоточусь.

— Но мы ведь тоже в опасности, — испуганно заголосил Тыквоголовый. — Если хотя бы одна из девиц умеет стряпать, мне конец!

— Ерунда! — воскликнул Страшила. — Даже если они умеют стряпать, им сейчас не до этого.

— Но и прозябание в плену для меня не менее опасно, — уныло возразил Джек, — я могу протухнуть.

— Да, на голову ты слаб, — посочувствовал Страшила. — Дело и впрямь приобретает серьезный оборот.

— Вы-то можете прожить еще много лет, — причитал Тыквоголовый, — а мне срок отмерен короткий. Мне каждый денечек дорог!

— Ну-ну, не унывай раньше времени, — принялся утешать его Страшила. — Дайте мне только подумать хорошенько, и я обязательно придумаю, как нам отсюда выбраться.

Все затихли и приготовились терпеливо ждать, а Страшила отошел в дальний угол, встал лицом к стене и так стоял добрых пять минут. Когда он повернулся, его нарисованное лицо светилось радостью.

— Где Конь, на котором ты сюда приехал? — спросил он Тыквоголового.

— Я сказал, что он очень ценная штука, и твой слуга решил отвести его в королевскую сокровищницу, — ответил Джек.

— Я решил, что ему там самое место, ваше величество, — начал оправдываться Солдат, испугавшись, что совершил какую-то промашку.

— Ты правильно решил, — сказал Страшила. — Животное накормлено?

— Еще как! Я засыпал полную кормушку опилок.

— Великолепно! — вскричал Страшила. — Немедля веди его сюда.

Солдат поспешил выполнить поручение. Вскоре послышался цокот деревянных копыт, и Конь предстал перед ними.

Его величество критически оглядел скакуна.

— Не сказать, чтобы красив, — отметил он задумчиво, — но бегаёт, я полагаю, неплохо.

— Просто здорово бегаёт! — подтвердил Тип, глядя на Коня с восхищением.

— Значит, мы сможем верхом на нем прорваться сквозь вражеские ряды и добраться до моего доброго друга Железного Дровосека, — заявил Страшила.

— Наверяд ли он выдержит четверых, — засомневался Тип.

— Но троих-то выдержит наверняка, — решил его величество. — Придется не брать с собой Королевское Войско. Тем более что, судя по опыту недавней войны, надежды на него никакой.

— Но бегаёт оно тоже неплохо, — рассмеялся Тип.

— Что ж, я ждал этого, — хмуро проворчал Солдат, — и стойко выдержу удар. Придется, конечно, изменить облик — сбрить мои любимые бакенбарды. А вообще говоря, еще неизвестно, что опаснее: остаться здесь на милость безрассудных девиц или скакать неизвестно куда на необъезженной деревянной лошади.

— В этом ты прав, — согласился его величество. — Но я не солдат и расчетам предпочитаю риск. Садись-ка на Коня, мой мальчик, и, пожалуйста, ближе к шее.

Тип ловко вскочил на Коня, потом Солдат и Страшила с великим трудом взгромоздили позади него Тыквоголового. Для Короля осталось так мало места, что он неминуемо должен был свалиться, чуть только Конь тронется.

— Принеси бельевую веревку, — приказал Король своему Войску, — и свяжи нас друг с другом. Если уж падать, то всем заодно. — Пока Солдат ходил за бельевой веревкой. Страшила продолжал рассуждать: — Мне надо быть чрезвычайно осторожным, как-никак — моя жизнь в опасности.

— А разве мне надо быть осторожным не чрезвычайно? — обиделся Джек.

— Не так чрезвычайно, как мне, — назидательно сказал Страшила. — Случись что со мной,

мне сразу и конец. А случись что с тобой, твоя голова пойдет на семена.

Тут вернулся Солдат с длинной веревкой и крепко-накрепко связал всех троих, да еще привязал их к туловищу Коня: теперь падения можно было не опасаться.

— Теперь беги открывай ворота, — скомандовал Страшила. — Мы мчимся навстречу свободе или смерти.

Во внутренний дворик замка, в котором они находились, можно было проникнуть через небольшие ворота, которые Солдат недавно запер по приказу его величества. Он подвел к ним Коня, отодвинул засов, и створки со скрипом качнулись в разные стороны.

— Теперь дело за тобой, — шепнул Тип Коню, — на тебя вся надежда! Ты должен нас спасти. Скачи что есть мочи к городским воротам, не останавливайся ни за что и ни на миг!

— Ладно, — грубовато ответил Конь и рванулся вперед, да так неожиданно, что у Типа перехватило дыхание и он обеими руками вцепился в кол, который предусмотрительно вбил в шею деревянного скакуна.

Несколько девиц, оставленных на страже у наружной стены дворца, были сметены лихой кавалерийской атакой. Другие с визгом бросились прочь, и лишь одна или две, что похрабрее, успели наугад ткнуть спицами в беглецов. Типа укололи в левую ногу, и она у него болела потом целый час. Что же касается Страшилы и Тыквоголового, то им спицы были нипочем, уколов они даже и не почувствовали.

Конь протоптал по улицам города, перевернул тележку с фруктами, сбил с ног нескольких почтенных горожан и с ходу перепрыгнул через суетливую маленькую толстушку, назначенную по приказу Генерала Джинджер новым Стражем Городских Ворот.

Но и здесь горячий Конь не остановился. Вырвавшись из стен Изумрудного Города, он помчал по дороге на запад так стремительно и рьяно, что Тип почти перестал дышать, а Страшила от изумления онемел.

Джеку эта бешеная езда уже была знакома, ужасную тряску он переносил с безмятежным спокойствием, заботясь лишь о том, как бы тыква-голова не соскочила со своего деревянного стержня.

— Придержите его! Придержите! — простонал Страшила, едва к нему вновь вернулся дар речи. — Не то из меня вытрясется вся солома!

Увы, Тип не мог даже вздохнуть, не то что слово молвить, поэтому Конь продолжал скакать, не сбавляя скорости и, похоже, совершенно забыв о своих ездоках.

Оказавшись на берегу широкой реки, скакун и не подумал остановиться: он оттолкнулся, что было силы, от земли и взвился высоко в воздух. Мгновением позже они уже кружились и качались, уносимые быстрым течением. Конь, еще не сообразив, по-видимому, где находится, продолжал молотить ногами, а наездники, окунувшись поначалу с головой в поток, тут же всплыли и теперь торчали над водой на манер поплавков.

10. К Железному Дровосеку

Тип, разумеется, промок до нитки, вода стекала с него ручьями, однако же он догадался наклониться вперед и крикнуть Коню в самое ухо: «Уймись ты, дурак! Уймись!»

Конь тотчас перестал барахтаться и спокойно поплыл по течению, как небольшой, но надежный плот.

— Что значит «дурак»? — осведомился он.

— Это очень укоризненное выражение, — ответил Тип, которому сразу стало стыдно за свою грубость. — Я употребляю его, только если очень рассержусь.

— Тогда и я со своей стороны мог бы назвать тебя дураком, — возразил Конь. — Разве я придумал, чтобы в этом месте протекала река? И разве хорошо злиться на меня за то, в чем я несколько не виноват?

— Ты прав, — согласился Тип, — а виноват я и готов попросить прощения. — Затем он обратился к Тыквоголовому: — С тобой все в порядке, Джек?

Ответа не было. Тогда мальчик окликнул Короля:

— Ваше величество, с вами-то все в порядке?

Страшила застонал.

— Какой уж тут порядок! — просипел он слабым голосом. — Вода невозможно мокрая!

Тип был так крепко связан, что не мог оглянуться на своих товарищей. Он мог только попросить Коня:

— Подгребай, пожалуйста, к берегу.

Конь старался изо всех сил, и в конце концов, хоть и не без труда, они достигли-таки противоположного берега реки и выбрались на сушу.

Изловчившись, мальчик сумел достать из кармана перочинный ножик и перерезал веревки, которыми ездоки были привязаны друг к другу и к деревянному скакуну. Он услышал, как тяжело плюхнулся наземь Страшила, затем быстро прыгнул сам и тут только смог увидеть своего тыквоголового друга.

Его деревянное туловище в великолепных, хотя и мокрых одеждах по-прежнему восседало на лошадиной спине, но уже без головы-тыквы — на ее месте сиротливо торчал колышек, служивший Джеку шеей. Что касается Страшилы, то от тряски вся солома в нем переместилась в нижнюю часть, так что бедняга лицом стал похож на японского мопса.

Наверное, это выглядело очень смешно, но Типу было не до смеха: он не на шутку испугался за Джека. Страшила, хоть и пострадал, но был все-таки цел. Джекова голова, жизненно ему необходимая, исчезла неизвестно куда. Мальчик схватил длинный шест, оказавшийся, к счастью, под рукой, и отправился на поиски вниз по течению реки.

Золотистую тыкву, покачивающуюся на волнах, он заметил издали. Дотянуться до нее было невозможно, но спустя какое-то время она сама подплыла ближе к берегу, потом еще ближе, и наконец мальчик смог зацепить ее шестом и подтащить к себе. Он бережно отер воду с тыквенного лица носовым платком, побежал назад к Джеку и водрузил обратно на положенное место.

— Боже! Какое ужасное приключение! — таковы были первые Джековы слова. — Интересно, портятся ли тыквы от воды?

Тип не стал отвечать на этот вопрос, ведь в его помощи нуждался Страшила. Он аккуратно извлек солому из королевского туловища и ног и разложил ее на солнышке сушиться. Мокрую

одежду он развесил на Коня.

— Если тыквы от воды портятся, — глубокомысленно рассуждал тем временем Джек, — мои дни сочтены.

— Я никогда не замечал, чтобы тыквы от воды портились, — сказал на это Тип, — если, конечно, вода не кипятит. Пока голова у тебя не треснула, друг мой, ты можешь не беспокоиться о своем здоровье.

— О, моя голова совершенно цела, — тут же откликнулся Джек, явно приободрившись.

— Тогда все в порядке, — сказал мальчик, — и нечего переживать: от заботы кошки дохнут.

— Я рад, — серьезно сказал Джек, — что я не кошка.

Солнце быстро высушило их одежду. Тип не забывал ворошить солому его величества, и очень скоро она стала сухой и хрустящей, как всегда.

Тогда он аккуратно набил Страшилу и разгладил его лицо так, что оно приняло свое обычное веселое и симпатичное выражение.

— Большое спасибо, — бодро сказал монарх после того, как погулял немного по берегу и убедился, что вновь способен ходить и держать равновесие. — Быть соломенным пугалом в некоторых отношениях очень удобно. Если рядом друзья, всегда готовые прийти на помощь, можно идти без страха навстречу любой опасности.

— Интересно, не трескаются ли тыквы от жары, — снова забеспокоился Джек.

— Можешь не волноваться, — отозвался жизнерадостный Страшила. — Тебе нечего бояться, мой мальчик, разве только старости. Когда твоей золотой юности придет конец — тут нам придет пора расстаться. А волноваться заранее, право, не стоит: что будет, то будет. Однако нам пора ехать. В дорогу! Мне так хочется поскорее увидеть моего друга — Железного Дровосека!

Все трое вновь уселись на Коня, Тип ухватился за упор, Тыквоголовый — за Типа, а Страшила обхватил обеими руками деревянное туловище Джека.

— Поезжай, но не быстро, за нами теперь никто не гонится, — наставлял Джек своего скакуна.

— Ладно, — грубовато бросил тот.

— Мне кажется, ты немного охрип, не простудился ли? — участливо осведомился Тыквоголовый. Конь сердито взбрыкнул и скосил глаз на Типа.

— Гляди-ка, — фыркнул он, — и этот тоже вздумал меня укорять.

— Ну что ты, — стал успокаивать его Тип, — Джек вовек не хотел тебя обидеть. И вообще нам незачем ссориться, мы же все хорошие друзья!

— Я не желаю иметь дела с Тыквоголовым, — заупрямился Конь, — он слишком легко теряет голову и вообще он мне не компания.

Никто не нашелся, что на это ответить, и некоторое время они ехали в молчании.

Вдруг Страшила заговорил:

— Как мне все здесь напоминает старые добрые времена! Вот на этом зеленом холме я спас

когда-то Дороти от Пчел Злой Волшебницы Запада.

— Не портятся ли тыквы от пчелиных укусов? — опасливо озираясь, спросил Джек.

— Вопрос излишний, ведь Пчелы давно мертвы, — ответил Страшила. — А вот на этом месте Ник-Дровосек порубил Серых Волков Злой Волшебницы.

— А кто такой Ник-Дровосек? — спросил Тип.

— Так зовут моего друга Железного Дровосека, — отвечал его величество. — А вот здесь Летучие Обезьяны захватили нас в плен и унесли прочь маленькую Дороти, — сказал он некоторое время спустя.

— А как Летучие Обезьяны относятся к тыквам? — спросил Джек, заранее дрожа от страха.

— Не знаю, но волноваться опять-таки нет причин, — сказал Страшила, — ведь Летучие Обезьяны давно и верно служат Глинде, нынешней владелице Золотой Шапки.

И набитый соломой монарх надолго умолк, погрузившись в воспоминания. А Конь все скакал и скакал вперевалку мимо усыпанных цветами полей и нес своих седоков вперед.

Между тем наступили сумерки, постепенно сгустившись в ночь. Тип остановил Коня, и все спешились.

— Я так устал, — признался мальчик, зевая, — а трава такая мягкая и прохладная! Давайте приляжем здесь и поспим до утра.

— Но я не умею спать, — возразил Джек.

— И я тоже никогда не сплю, — сказал Страшила.

— А я даже не знаю, что такое спать, — добавил Конь.

— Мы, однако, должны быть внимательны к бедному мальчику, ведь он сделан всего лишь из плоти и костей, — рассудил Страшила. — Точно так же вела себя, помнится, маленькая Дороти. Ночью она всегда спала, а мы сидели рядом и ее охраняли.

— Вы уж простите меня, — кротко сказал Тип, — но мне без сна никак не обойтись. К тому же я ужасно голоден!

— Вот новая опасность! — охнул Джек. — Ты, может быть, еще и любишь тыквы?

— Только не вареные и не в виде начинки для пирога, — смеясь, ответил мальчик. — Так что не бойся меня, приятель Джек.

— Тыквоголовый, да ты просто трус! — презрительно фыркнул Конь.

— Будешь трусом, если знаешь, что в любой момент можешь испортиться или быть съеденным, — сердито огрызнулся Джек.

— Полно! — вмешался Страшила. — Не надо ссориться. У каждого из нас свои слабости, дорогие друзья, будем же друг к другу внимательнее. Бедный мальчик голоден, а есть ему все равно нечего, так давайте хоть соблюдать тишину: кто спит, тот обедает.

— Вот спасибо! — благодарно воскликнул Тип. — Ваше величество столь же добр, сколь и мудр, — этим все сказано!

Он растянулся на траве и вскоре уже спал глубоко и крепко, положив голову на набитый

соломой живот Страшилы, как на подушку.

11. Никелированный император

Когда Тип проснулся на рассвете. Страшила уже поднялся. Своими мягкими неловкими пальцами он успел нарвать с растущих поблизости кустов две пригоршни сочных спелых ягод. Мальчик с аппетитом съел их и остался доволен завтраком. Вскоре маленькая экспедиция снова тронулась в путь.

Уже через час езды они достигли вершины горы, откуда открывался вид на город Мигунов: купола и башни императорского дворца возвышались над прочими, более скромными строениями. При виде их Страшила воспрял духом и громко воскликнул:

— Наконец-то я вновь увижу моего старого друга Железного Дровосека! Будем надеяться, что его правление оказалось счастливее, чем мое.

— Верно ли, что Железный Дровосек — император Мигунов? — полюбопытствовал Конь.

— Совершенно верно. Они пригласили его на эту должность после того, как освободились от Злой Волшебницы, — и император из Ника-Дровосека вышел на славу, можете не сомневаться, — ведь благороднее сердца не сыскать в целом мире!

— А я-то думал, что «император» — это правитель империи, — заметил Тип. — А у Мигунов, как я знаю, всего только королевство.

— Только не говори об этом Железному Дровосеку! — предостерег его Страшила. — Ты можешь его страшно обидеть. Он в высшей степени достойный человек, а стало быть, достоин именоваться Императором, если ему это нравится.

— По мне, так разницы никакой, — пожал плечами мальчик.

Конь продолжал скакать так быстро, что наездникам стоило немалых трудов удержаться у него на спине и им было не до разговоров. Вскоре они уже подъезжали к ступеням дворца.

Пожилый Мигун в расшитой серебром ливрее помог им спешиться. Страшила, напустив на себя важный вид, сказал:

— Проводи нас немедленно к своему господину — Императору.

Служитель в явном замешательстве стоял, переводя взгляд с одного гостя на другого. Наконец он ответил:

— Боюсь, вам придется немного подождать. Как раз сегодня утром Император не принимает.

— Почему же? — встревожился Страшила. — Надеюсь, он не болен?

— Он вполне здоров, — отвечал Мигун. — Просто время от времени его величество проводит сеанс полировки, и сейчас его августейшее тело все от головы до пят покрыто полировочной мазью.

— Ну ясно! — воскликнул Страшила с облегчением. — Мой друг всегда был склонен к щегольству, а теперь, я полагаю, всерьез занялся своей наружностью.

— Точно так, — подтвердил слуга и вежливо поклонился. — Совсем недавно наш

могущественный Император повелел себя отникелировать.

— Боже милостивый! — завопил Страшила, услышав эту новость. — Представляю, как заиграли его мозги, если и они тоже подверглись полировке! Однако не заставляй нас ждать, я уверен, что Император примет нас запросто, пусть даже не в самом блестящем своем состоянии.

— Состояние Императора всегда одинаково блистательно, — возразил преданный слуга. — Пожалуй, я все же рискну доложить ему о вашем прибытии, а там уж — как он распорядится.

Предводительствуемые Мигуном в ливрее, путешественники прошли в роскошную гостиную. Конь тяжело затопал следом: он еще не знал, что лошадям положено дожидаться хозяев во дворе.

На всех, даже на Страшилу, внутреннее убранство дворца произвело огромное впечатление. Богатые шторы сверкали серебряным шитьем. На изящном столике посредине гостиной стояла большая серебряная масленка, на которой были весьма искусно выгравированы сцены из приключений Железного Дровосека, Дороти, Трусливого Льва и Страшилы. На стенах висело множество картин: среди них выделялся портрет Страшилы, выполненный с необыкновенным мастерством, а также огромное, не меньше чем на полстены, полотно, на котором был изображен Волшебник Изумрудного Города, вручающий Железному Дровосеку сердце.

Посетители глазели по сторонам в безмолвном восторге, но тут из соседней комнаты послышался радостный вопль:

— Не может быть! Вот так сюрприз!!!

В тот же миг двери распахнулись и в гостиную вбежал Ник-Дровосек. Первым делом он бросился к Страшילה и так крепко стиснул его в дружеских объятиях, что тот превратился в подобие гармошки — в сочетание складок, складочек и морщин.

— Мой добрый старый друг! Мой благородный товарищ! — ликовал Железный Дровосек. — Как я рад увидеть тебя снова!

Тут он ослабил на миг свои объятия и поднял Страшилу на вытянутых руках, чтобы полюбоваться на милые его сердцу нарисованные черты.

Увы! По лицу и по туловищу Страшилы расплылись огромные пятна от полировочной мази. На радостях Железный Дровосек совершенно позабыл о состоянии своего костюма, и толстый слой смазки с его железного тела перешел на одежду и физиономию его друга.

— Боже! — скорбно воскликнул Страшила. — Что это со мной?!

— Не печалься, дружище, — отвечал Железный Дровосек. — Тебе достаточно посетить мою Императорскую Прачечную, и ты станешь как новенький.

— А меня там не испортят? — с сомнением спросил Страшила.

— Это исключено, — последовал решительный ответ. — Но скажи мне скорей, какой счастливый случай привел сюда твое величество и кто твои спутники?

По всем правилам вежливости Страшила представил хозяину Типа и Тыквоголового Джека; причем к последнему Железный Дровосек проникся особым интересом.

— Ты, кажется, не особенно крепок, — заявил Император, осмотрев своего нового знакомого со всех сторон, — зато совершенно ни на кого не похож, а потому достоин войти в наш

избранный круг.

— Благодарю вас, ваше величество, — скромно сказал Джек.

— Надеюсь, на здоровье не жалуешься? — спросил Дровосек.

— В настоящее время — нет, — со вздохом ответил Тыквоголовый, — но больше всего на свете я боюсь попасть на кухню.

— Чепуха! — сказал Император строго, но голосом добрым и приветливым. — Зачем бояться раньше времени? Ведь твою голову могут не сварить, а, например, законсервировать, и тогда она будет очень долго храниться.

В течение этого разговора изумленный Тип разглядывал Дровосека. Прославленный Император весь состоял из кусков железа, аккуратно друг к другу подогнанных, спаянных и склепанных, так что получилось довольно точное подобие человеческой фигуры. При ходьбе он слегка позвякивал и погромыхивал, но сработан был ловко и ладно, его внешность портил только толстый слой смазки, покрывавший его с головы до ног.

Поймав на себе внимательный взгляд мальчика, Железный Дровосек вспомнил, наконец, что выглядит не лучшим образом. Извинившись перед друзьями, он попросил у них разрешения удалиться в свои апартаменты, чтобы дать слугам возможность закончить полировку. Это не заняло много времени.

Когда Император вернулся, его никелированное тело было начищено до блеска, и Страшила не преминул выразить восхищение столь сиятельной наружностью.

— Воистину мысль о никелировке пришла ко мне в добрый час, — сказал Ник. — Ведь я изрядно поцарапался во время наших странствий и приключений. Взгляните, на моей груди слева выгравирована звезда: она не только обозначает место, где находится мое прекрасное сердце, но и весьма искусно маскирует заплату, сделанную Волшебником после того, как он собственными руками поместил в меня этот ценнейший орган.

— Выходит, ваше сердце — искусственное? — с любопытством спросил Тыквоголовый.

— Никоим образом, — с достоинством возразил Император. — Я убежден, что это самое настоящее сердце, хотя, разумеется, оно больше и жарче, чем сердца большинства людей.

Затем он повернулся к Страшילה и спросил:

— Довольны ли и счастливы ли твои подданные, мой дорогой друг?

— Я бы этого не сказал, — ответил тот. — Дело в том, что девицы Страны Оз подняли мятеж, и ныне я изгнан из Изумрудного Города.

— Боже правый! — вскричал Железный Дровосек. — Какая жалость! Чем же не понравился им король, который столь мудро и милостиво ими правил?

— Они, видишь ли, считают, что плохо то правило, которое нельзя переправить, — пожаловался Страшила, — и что мужчины уже слишком долго руководят Страной. Вот почему они захватили мой город, разграбили казну и вообще делают теперь что хотят.

— Ну и ну! Такое и во сне не приснится, — удивленно развел руками Император.

— А некоторые из них, — добавил Тип, — поговаривают, как я слышал, о том, чтобы идти сюда и захватить замок и город Железного Дровосека.

— Ну, этого мы дожидаться не будем, — решительно сказал Император. — Мы тотчас же пойдем на них походом, отобьем Изумрудный Город и снова посадим Страшилу на трон.

— Я знал, что ты мне поможешь, — обрадовался Страшила. — Но велика ли твоя армия?

— Зачем нам армия! — удивился Дровосек. — Неужели вчетвером, да с помощью моего сверкающего топора, мы не вселим ужас в сердца мятежников?!

— Нас пятеро, — поправил его Тыквоголовый.

— Как пятеро? — не понял Железный Дровосек.

— Есть еще Конь — он силен и бесстрашен, — напомнил Джек, уже успевший позабыть о своей ссоре с деревянным четвероногим.

Железный Дровосек недоуменно огляделся: Конь до сих пор стоял в углу так тихо, что Император его даже не заметил. Откликнувшись на зов Типа, он прогрохотал через комнату, чуть не опрокинув по пути изящный столик.

— Чудесам, похоже, не будет конца! — искренне изумился Железный Дровосек при виде Коня. — Каким образом это странное существо смогло ожить?

— Это сделал я, с помощью волшебного порошка, — скромно признался мальчик. — Конь нас очень выручил в дороге.

— Только благодаря ему мы спаслись от мятежников, — добавил Страшила.

— Тогда мы, конечно же, должны принять его в свою компанию, — объявил Император. — Живые козлы-конь — это невиданно и неслыханно! А ясная ли у него голова?

— Богатым жизненным опытом похвастать не могу, — сам за себя ответил Конь. — Но мне кажется, что я довольно смышлен, а иногда возникает впечатление, что даже чрезвычайно мудр и знающ.

— Это вполне возможно, — согласился Император, — ведь опыт и мудрость не одно и то же. Но сейчас время дорого: пора снаряжаться в путешествие.

Император призвал к себе Лорда-Канцлера и рассказал, как править королевством в его отсутствие. Тем временем из Страшилы вытряхнули солому, разрисованный мешок, служивший ему головой, чисто выстирали, погладили и заново набили мозгами, полученными некогда из рук Волшебника. Его одежда также была вычищена и отглажена императорскими портными, а корона отполирована до блеска и вновь пришита к голове. Железный Дровосек уговорил своего приятеля ни в коем случае не отказываться от этого символа королевской власти. Теперь Страшила выглядел очень прилично и даже немного заважничал, хоть от природы был совсем не тщеславен. Тип тем временем починил и укрепил кое-где деревянные члены Тыквоголового, тщательно осмотрел Коня и убедился, что тот готов к новым испытаниям. На следующее утро с восходом солнца они тронулись в обратный путь к Изумрудному Городу. Впереди шел Железный Дровосек со своим сверкающим топором, за ним верхом на Коне ехал Джек, а по бокам от него шагали Страшила и Тип, внимательно следя за тем, как бы наездник не упал и не повредил свою драгоценную голову.

12. Жук-Кувыркун, С. У. и В. О

Генерала Джинджер — как вы, конечно, помните, она возглавляла Армию повстанцев — бегство Страшилы из Изумрудного Города не на шутку встревожило. Она испугалась, что, если его величество выступит заодно с Железным Дровосеком, ей и ее Армии несдобровать: жители Страны Оз, конечно же, примут сторону своих давнишних любимцев.

Тогда Джинджер решила послать Момби депешу, в которой обещала ее щедро наградить, если она употребит свое колдовство на пользу повстанцев.

Старую Момби настолько взбесила озорная выходка Типа и уж тем более его побег и похищение драгоценного оживительного порошка, что она и без приглашения готова была отправиться в Изумрудный Город и всячески содействовать разгрому Страшилы и Железного Дровосека, ставших теперь друзьями и союзниками Типа.

Но прежде чем тронуться в путь, Момби выяснила при помощи колдовства, что ее враги в это же самое время как раз собираются туда же, куда и она. Она уединилась в маленькой каморке на самом верху своей башни и там, взаперти, долго колдовала, возводя на пути Страшилы и его друзей всяческие препятствия.

Вот почему Железный Дровосек остановился вдруг посреди дороги и развел руками:

— Ничего не понимаю... По этой местности я мог бы, кажется, пройти с закрытыми глазами, и вот на тебе — сбился с пути!

— Возможно ли? — взволновался Страшила. — С чего это ты взял, дорогой друг, что мы заблудились?

— Вы видите это огромное поле подсолнухов? Клянусь, я ни разу его здесь не видел, сколько ни ходил.

При этих словах все огляделись, и что же? Широкое поле вокруг них и впрямь все поросло высокими стеблями, каждый из которых был увенчан огромным цветком. Эти цветы, ослепительно яркие, золотые и рыжие, к тому же еще вращались, как крошечные ветряные мельницы. От этого кружения и мельтешения путники и вовсе растерялись.

— Это колдовство! — воскликнул Тип.

Некоторое время они стояли, не зная, как быть. Потом Железный Дровосек крякнул, размахнулся изо всей силы топором и принялся рубить стоящие перед ним стеной стебли. Цветки подсолнухов тотчас же перестали вращаться, зато теперь в сердцевине каждого показалось хорошенькое девичье личико. Личики эти кокетливо улыбались, а увидев, в какое изумление и испуг повергло путников их появление, расхохотались дружно и весело.

— Стой! Стой! — закричал Тип, хватая Дровосека за железную руку. — Разве не видишь — они живые!

В тот же миг цветки вновь начали вращаться, а лица исчезли.

Железный Дровосек уронил топор и в крайнем расстройстве сел на землю.

— Поднять руку на столь прелестные создания было бы бессердечно! — воскликнул он горестно. — Однако я ума не приложу, как нам теперь двигаться дальше.

— Эти девицы очень похожи на повстанцев, — задумчиво проговорил Страшила. — Непонятно только, как они смогли нас так быстро выследить и настичь.

— Я совершенно уверен, что здесь замешано колдовство, — твердо сказал Тип, — кто-то решил сыграть с нами злую шутку, и этот кто-то, скорее всего, — старая Момби. Вполне

вероятно, что никаких подсолнухов здесь нет — они нам только кажутся.

— Тогда давайте попробуем зажмуриться и пройти сквозь них, — предложил Железный Дровосек.

— Вот это не выйдет, — вздохнул Страшила, — ведь мои глаза нарисованы открытыми. Если у тебя есть железные веки, не думай, будто все мы устроены так же, как ты.

— У Коня, например, вместо глаз — сучки, — сказал Тип, потом наклонился к своему четвероногому другу и очень внимательно на него посмотрел. — А ну-ка, — скомандовал Тип Коню, — скачи вперед, а мы за тобой, и так избавимся, может быть, от наваждения. У меня уже в глазах рябит и голова раскалывается.

Итак, Тыквоголовый пришпорил Коня, а Тип тронулся следом. Замыкали шествие Страшила и Железный Дровосек. Они сделали всего несколько шагов и обнаружили вдруг, что путь совершенно свободен. Подсолнухов, как это ни странно, след простыл.

Компания бодро двинулась вперед, но старая Момби не желала сдаваться — она придумывала все новые хитрости. Вид окрестностей то и дело менялся, и путешественники, конечно, заблудились бы, если б не мудрость Страшилы: он решил, что направление надлежит определять только по солнцу, — а поскольку никакое колдовство не может изменить путь солнца по небу, надежнее путеводителя и впрямь не придумаешь.

Без приключений, однако, не обошлось. Конь провалился ногой в кроличью нору и полетел кувырком. Тыквоголового при этом подбросило высоко в воздух, что для него кончилось бы печально, если бы Железный Дровосек не успел ловко, на лету, поймать тыкву, оставшуюся, к счастью, целехонькой. Тип вмиг приладил ее туда, где ей полагалось быть. Положение Коня было сложнее: нога, извлеченная из кроличьей норы, оказалась сломанной — ее предстояло чинить или заменить новой, без этого о дальнейшем продвижении нечего было и думать.

— Плохо дело, — сказал Железный Дровосек, — если бы поблизости росли хоть какие-нибудь деревья, я бы в два счета смастерил для бедняги новую ногу, но вокруг не видно даже кустарника.

— В этой части Страны Оз нет, как назло, и жилья — ни домов, ни заборов, — посетовал Страшила.

— Неужели ничего нельзя сделать? — опечалился мальчик.

— Вся надежда на мои мозги, — сказал его величество. — Знаю по опыту: из самого безвыходного положения выход всегда найдется, надо лишь получше его поискать.

— Так давайте искать сообща, — предложил Тип, — не может быть, чтобы не нашлось способа помочь Коню!

Они сели рядком на траву и глубоко задумались. Конь лежал в сторонке с мрачным видом и разглядывал свою сломанную ногу.

— Больно? — участливо спросил его Железный Дровосек.

— Ничуть, — ответил Конь, — мне лишь горько сознавать, что сбит я, оказывается, совсем не крепко.

Долгое время никто не произносил ни слова. Наконец Железный Дровосек поднял голову и посмотрел вдаль.

— Кто это к нам сюда спешит? — удивленно спросил он.

Проследив за его взглядом, друзья увидели, что к ним приближается довольно странное существо. Оно мчалось по мягкой траве стремительно и бесшумно и уже спустя несколько минут предстало перед нашими искателями приключений и принялось разглядывать их с не меньшим изумлением, чем они его.

Страшила, надо отдать ему должное, умел сохранять спокойствие при любых обстоятельствах.

— С добрым утром! — сказал он первым, очень вежливо. Странное существо сорвало с головы шляпу, отвесило низкий поклон и произнесло:

— Доброе утро всем. Надеюсь, что все вы вместе и каждый в отдельности пребываете в добром здравии. Позвольте вручить вам мою визитную карточку.

И незнакомец весьма учтиво протянул карточку Страшילה. Тот повертел ее так и этак, покивал головой и передал Типу. Мальчик прочел вслух:

— «Жук-Кувыркун, С. У. и В. О.»

— Ну и дела! — воскликнул Тыквоголовый, таращась на незнакомца во все глаза.

— Поразительно, просто поразительно, — бормотал себе под нос Железный Дровосек.

Глаза Типа стали совсем круглыми от удивления, и только один Конь вздохнул равнодушно и отвернулся.

— Вы что же, и есть Жук-Кувыркун? — осведомился Страшила.

— Он самый, дорогой друг, — с живостью подтвердил незнакомец. — Разве моего имени нет на карточке?

— Имя-то есть, — сказал Страшила, — но что, позвольте вас спросить, означает С. У.?

— С. У. означает Сильно Увеличенный, — гордо ответил Жук-Кувыркун.

— Ясно. — Страшила критически оглядел пришельца. — Вы и вправду сильно увеличены?

— Что за вопрос? — обиженно отозвался Кувыркун. — Вы произвели на меня впечатление рассудительного и проникательного джентльмена. Неужели вы не заметили, что я во много тысяч раз превосхожу размерами любого обыкновенного жука? И неужели это обстоятельство не свидетельствует неопровержимо о том, что я Сильно Увеличен? Сомневаться в столь очевидном факте, право же, странно.

— Прошу прощения, — смутился Страшила. — Мои мозги, похоже, слегка сотряслись в результате последней стирки. Но не будете ли вы так любезны объяснить, что означают буквы В. О.?

— Они обозначают ученую степень, — пояснил Жук-Кувыркун со снисходительной улыбкой.

— В. О. — Высокообразованный.

— Ах вот оно что! — протянул Страшила с некоторым облегчением.

Тип не мог оторвать глаз от удивительного существа. У него было огромное, круглое, как обыкновенно бывает у жуков, туловище — довольно плоское, со спины темно-коричневое, спереди — в кремово-белую полоску. Верхние лапки были так же изящны, как нижние, а голова, сидевшая на длинной шее, мало отличалась от человеческой, разве лишь тем, что на кончике носа имелось нечто вроде антенны или щупальца, и такие же антенны, очень

напоминавшие закрученные пороссячи хвостики, торчали на кончиках ушей по обе стороны головы. Глаза у Жука были круглые, черные, навывкате, но в целом выражение лица было довольно приятным.

Насекомое было одето в темно-синий фрак с желтой шелковой подкладкой и цветком в петлице, белая сорочка плотно облегла его широкое туловище, плюшевые бриджи песочного цвета были в коленях украшены золочеными пряжками, а на маленькой головке лихо сидела высокая шелковая шляпа.

Стоя на задних лапах перед изумленными путешественниками, Жук-Кувыркун был ростом не ниже Железного Дровосека. Второго Жука столь чудовищных размеров в Стране Оз, разумеется, не видел никто и никогда.

— Должен признаться, — начал Страшила, — что ваше внезапное появление поразило и меня, и моих приятелей. Пожалуйста, не обижайтесь. Со временем мы, наверное, к вам привыкнем.

— Извиняться не стоит, — с важностью ответил Жук. — Мне доставляет громадное удовольствие поражать окружающих. Как насекомое, я в высшей степени неординарен и, стало быть, достоин всеобщего изумления и любопытства.

— Вне всякого сомнения, — согласился его величество.

— Если вы позволите мне присесть в вашем августейшем обществе, — продолжал чужестранец, — я с превеликим удовольствием поведаю вам свою историю. Это поможет вам глубже постичь своеобразие моей необычной, смею даже сказать — замечательной личности.

— Сделайте одолжение, — коротко кивнул Железный Дровосек. И, усевшись на траве рядом с компанией путешественников, Жук-Кувыркун рассказал им такую историю.

13. Сильно увеличенная история

— В начале моего правдивого повествования я вынужден честно и откровенно признать, что родился обыкновенным жуком-кувыркуном, — начало насекомое самым дружеским и искренним тоном. — Передвигался при помощи лапок, то бишь ползал в траве и меж камнями, питался мелкими мошками и был такой жизнью вполне доволен. В холодные ночи я коченел, ибо был, увы, наг и не имел одежды; наутро теплые лучи солнышка возвращали меня к жизни. Ужасное существование, скажете вы, но так живут все обыкновенные жуки-кувыркуны и еще многие-многие крошечные обитатели нашей земли.

Но мне судьбой был уготован иной жребий! Однажды я ползал в окрестностях деревенской школы, и мое внимание привлек монотонный гул, доносившийся изнутри и производимый, надо думать, учащимися. Я позволил себе пробраться в класс и долго крался вдоль трещины меж двумя половицами, пока не достиг отдаленного конца комнаты, где подле зажженного очага стоял учительский стол.

Никто не обратил на меня внимания. Я же обнаружил, что тепло очага жарче и уютнее солнечного, и решил поселиться близ него в нише между двумя кирпичами. Я устроил себе очаровательное гнездышко, в котором и прятался много-много месяцев.

Несколько дней спустя я начал слушать лекции профессора Многозная, без сомнения, виднейшего ученого во всей Стране Оз. Ни один из его учеников не был столь прилежен и

внимателен, как скромный, до поры безвестный Жук-Кувыркун. В результате мне удалось приобрести такую уйму знаний, что, признаюсь, самому удивительно. Потому-то в моих визитных карточках значится — В. О.: Высокобразованный. На свете не было и нет жука, располагающего хотя бы десятой долей моей учености, это факт, и им нельзя не гордиться.

— Ученостью гордиться не грех, — сказал Страшила. — Тут я с тобой согласен. Я ведь и сам довольно учен. Мозги, полученные мной от Волшебника Изумрудного Города, по общему мнению друзей, не имеют себе равных.

— Я тем не менее убежден, — перебил его Железный Дровосек, — что доброе сердце дороже учености и даже мозгов.

— По мне, — вставил Конь, — дороже крепкой ноги вообще ничего не бывает.

— А я думаю, это еще посмотреть надо, что дороже: мозги или семена! — выпалил вдруг Тыквоголовый.

— Уж лучше молчи! — шепнул ему Тип.

— Очень хорошо, дорогой папаша, — послушно согласился Джек.

Жук-Кувыркун вежливо, даже почтительно выслушал все эти соображения, а затем продолжил свою историю.

— Я прожил целых три года в укромном и уютном очаге просвещения, — рассказывал он, — неустанно впитывая знания, которыми густо насыщена школьная атмосфера.

— Ты просто поэт! — одобрительно кивнул головой Страшила.

— Но в один прекрасный день, — продолжал Кувыркун, — благодаря удивительному стечению обстоятельств моему привычному скромному существованию пришел конец, и я возвеличился до нынешних своих масштабов. Однажды, переползая через очаг, я попался на глаза профессору, был в мгновение ока пойман и зажат между большим и указательным пальцами.

«Дорогие дети! — объявил профессор. — Я поймал жука-кувыркуна, очень редкий и интересный экземпляр. Знает кто-нибудь из вас, что такое жук-кувыркун?»

«Нет!» — завопили ученики хором.

«Тогда, — сказал профессор, — достану-ка я свое знаменитое увеличительное стекло и спроецирую насекомое на экран в сильно увеличенном виде, так, чтобы вы могли тщательно изучить особенности его строения и познакомиться с его повадками и образом жизни».

Тут он достал из шкафа какой-то прибор, и я, не успев даже сообразить, что со мною происходит, оказался спроецирован на экран в сильно увеличенном виде — точно таком, в каком я являюсь вам сегодня.

Чтобы получше меня разглядеть, ученики стали вытягивать шеи, вставать на табуретки, а две девочки залезли даже на подоконник открытого окна.

«Смотрите! — громко провозгласил профессор. — Перед нами сильно увеличенный жук-кувыркун, едва ли не самое любопытное из всех насекомых, которые только существуют на свете».

Будучи Высокобразованным, я прекрасно знал, что должен делать джентльмен в подобной ситуации, — встал на задние лапки, переднюю приложил к груди и учтивейшим образом

раскланялся. Мои действия, по-видимому совершенно неожиданные, так поразили всех, что одна из девочек, стоявших на подоконнике, с визгом вывалилась наружу, увлекая за собой и подружку.

Профессор с ужасным криком бросился во двор посмотреть, не разбились ли бедняжки дети. Ученики повалили за ним шумной ордой, я же остался в классе один в сильно увеличенном виде, предоставленный полностью самому себе.

Разумеется, я тотчас сообразил, что передо мной открывается счастливейшая возможность бежать. Благодаря своим новым размерам я мог безопасно путешествовать по миру, удовлетворяя жажду общения с избранными умами, которую во мне пробудило образование.

И пока профессор хлопотал над девочками, которые больше перепугались, чем ушиблись, а ученики бессмысленно толпились вокруг них, я преспокойно вышел из школьного здания, завернул за угол и вскоре, так никем и не замеченный, добрался до соседней рощи.

— Вот чудо так чудо! — воскликнул Тыквоголовый в искреннем восхищении.

— Чудо и есть, — согласился Жук-Кувыркун. — То, что мне удалось сбежать в сильно увеличенном состоянии, поистине фантастическая удача, ибо какой прок ничтожному крошечному насекомому даже от самых обширных знаний!

— Я раньше не думал, что насекомые носят одежду, — с недоумением заметил Тип, разглядывая Кувыркуна.

— Они ее не носят — в естественном состоянии, — отвечал новый знакомец. — Но во время моих путешествий мне как-то случилось спасти девятую жизнь портного — портные, как вам известно, имеют, подобно кошкам, по девяти жизней. Парень был до крайности мне благодарен, ведь, лишись он девятой жизни, ему бы точно пришел уже конец. Он просто умолял меня принять от него в дар шикарный костюм, который вы теперь на мне и видите. Сидит отлично, не правда ли? — Кувыркун встал и медленно повернулся кругом, чтобы слушатели могли получше рассмотреть его персону и его наряд.

— Хороший попался портной, — не без зависти заметил Страшила.

— И с добрым сердцем, это ясно, — добавил Ник-Дровосек.

— А куда ты, собственно, держишь путь? — спросил Тип Жука.

— В общем-то никуда, — ответил тот. — Впрочем, я имею намерение в ближайшем будущем посетить Изумрудный Город на предмет чтения там лекций для избранной аудитории на тему «О выгодах увеличения».

— Мы сейчас как раз направляемся в Изумрудный Город, — сказал Железный Дровосек, — если хочешь, пойдем вместе.

Жук-Кувыркун отвесил изысканный поклон.

— С превеликим удовольствием, — заявил он. — Принимаю ваше любезное приглашение, ибо где же еще в Стране Оз я мог бы найти общество, более для себя подходящее?

— Что правда, то правда, — подтвердил Тыквоголовый. — Да мы тут все друг другу подходим — просто как мухи и мед.

— Прошу простить мне излишнее любопытство, — заговорил опять Кувыркун, с нескрываемым интересом разглядывая поочередно своих новых знакомых, — но не кажется ли вам, что все вы... гм... несколько странноваты?

— Да ведь и ты, пожалуй, странноват, — ответил Страшила. — Вообще все в жизни странно, пока не привыкнешь.

— Какая оригинальная философия! — в восхищении всплеснул руками Жук-Кувыркун.

— Да, мозги у меня сегодня работают что надо, — не без гордости признал Страшила.

— Тогда, если вы уже достаточно отдохнули и собрались с силами, не пора ли нам направить стопы в сторону Изумрудного Города? — предложил Увеличенный.

— Увы, — вздохнул Тип, — Конь сломал ногу и теперь не может двигаться. В округе нет ни единого дерева, из которого можно было бы смастерить замену. А без Коня мы тронуться не можем: у Тыквоголового слабые суставы, и ходок он совсем никудышный.

— Печально, очень печально, — посочувствовал Жук-Кувыркун. Потом он внимательно оглядел своих попутчиков и вдруг предложил: — Почему бы не приделать Коню одну из ног Тыквоголового, раз уж он все равно едет верхом? И тот и другой — из дерева, насколько я понимаю.

— Вот это я называю блеск ума! — восхитился Страшила. — Удивляюсь, как это мои мозги не придумали чего-нибудь подобного! За работу, дорогой Ник!

Джеку идея не особенно понравилась, но он подчинился и безропотно дал отнять у себя левую ногу, которую Железный Дровосек тут же приладил Коню. Тот восторга тоже не выказал — напротив, ворчал, что его «осрамили» и что новая нога, которую ему навязали, для всякого порядочного коня была бы позорищем.

— Поосторожней в выражениях, — оскорбился Тыквоголовый. — Помни, пожалуйста, речь идет о моей ноге!

— Я бы и рад забыть, да не могу, — парировал Конь. — Нога-то никудышная, под стать твоей персоне.

— Я никудышная персона?! — возмущенно вскричал Джек. — Да как ты смеешь?

— Никудышная, нелепая, нескладная и неладная! — продолжал выкрикивать Конь, сердито вращая глазами. — У тебя и голова-то не держится как надо: то ли вперед смотришь, то ли назад — разберись попробуй.

— Друзья мои, умоляю, не ссорьтесь, — взывал к обоим Железный Дровосек. — Помните, что ни один из нас не совершенен, давайте же терпимо относиться друг к другу!

— Отличное предложение, — одобрительно сказал Жук-Кувыркун. — У вас, я вижу, превосходное сердце, мой металлический друг.

— О да, — согласился Ник, донельзя довольный. — Мое сердце — моя гордость. Но не пора ли нам в путь?

Они водрузили одноногого Тыквоголового верхом на Коня, покрепче привязав его к седлу веревками. И маленький отряд под предводительством Страшилы вновь двинулся в направлении Изумрудного Города.

14. Колдовство старой Момби

Скоро выяснилось, что Конь прихрамывает: новая нога оказалась ему длинновата. Пришлось сделать привал и ждать, пока Железный Дровосек укоротит ее своим топором, после чего деревянный скакун зашагал уже куда более резво. Он, однако, был по-прежнему недоволен.

— И как это я не объехал нору?! Беда, вот беда! — бурчал он себе под нос.

— Ну какая же это беда? — рассеянно заметил Кувыркун, семенивший рядом. — По-моему, это большая удача, что ты ее не объехал. От необъезженной лошади в хозяйстве мало проку.

— Прошу прощения, — довольно сердито сказал Тип, который близко к сердцу принимал все, что касалось Коня и Джека, — но шутка не очень-то смешна и к тому же в ней нет никакого смысла.

— Шутка есть шутка, — самоуверенно заявил Кувыркун. — Всем известно, что игра слов происходит из игры ума.

— Как ты сказал? — растерялся Тыквоголовый.

— Я сказал, дорогой мой друг, — объяснил ему Жук-Кувыркун, — что в нашем языке есть множество слов, имеющих не одно, а два и даже больше значений. Шутить, играя разными значениями одного и того же слова, — а это называется каламбур — способна лишь личность высококультурная, утонченная и в совершенстве владеющая речью.

— Здесь я с тобой не согласен, — упрямо сказал Тип, — каламбур может придумать кто угодно.

— Отнюдь, — высокомерно возразил Жук-Кувыркун. — Это требует высочайшего уровня образованности. Ты-то, мой друг, образован ли?

— Не особенно, — честно признался Тип.

— Тогда ты не можешь судить о предмете. Лично я, как вам уже известно. Высокообразован и могу вас заверить: склонность к каламбурам — верный признак гениальности. Скажу кстати, что наш Конь — ходячая нелепость. Имея в виду его происхождение из козел, ему больше пристало бы блеять и бодаться.

При этих словах Страшила чуть не задохнулся, Железный Дровосек встал как вкопанный и укоризненно взглянул на Жука. Конь возмущенно зафыркал, и даже Тыквоголовый закрыл рот рукой, чтобы спрятать улыбку, — ведь изменить выражение лица он не мог.

Сам же Жук-Кувыркун шел себе как ни в чем не бывало и, кажется, ничего не замечал. Поэтому Страшила счел необходимым сказать ему следующее:

— Я слышал, любезный друг, что образование не всем идет на пользу. Мозги — замечательная штука, но они должны еще иметь верное направление, а твои, сдаётся мне, слегка запутались.

Поэтому, если хочешь путешествовать вместе с нами, держи-ка лучше свою ученость при себе.

— Мы народ простой, — добавил Железный Дровосек, — и очень сердечный. Но если ты своей ученостью снова кого-нибудь... — он не закончил фразу и покрутил в воздухе своим блестящим топором, да так красноречиво, что Жук-Кувыркун в испуге отскочил от него на почтительное расстояние.

Довольно долго шли молча. Наконец Жук-Кувыркун тряхнул головой и сказал виновато:

— Я постараюсь исправиться.

— Вот и хорошо, — кивнул Страшила, и в маленьком отряде восстановилось согласие.

Когда они снова остановились, чтобы дать Типу передохнуть — мальчик был единственным среди них, кому требовался отдых, — Железный Дровосек обратил внимание на то, что поросший густой травой луг испещрен множеством круглых норок.

— Похоже, здесь живут полевые мыши, — сказал он Страшילה. — Быть может, и наша старая приятельница Королева Мышей поблизости.

— А ведь она могла бы оказать нам важную услугу, — заметил Страшила, которого вдруг осенила блестящая мысль. — Как бы нам ее позвать, дружище Ник?

Железный Дровосек поднес к губам серебряный свисток, висевший у него на шее, и громко свистнул. Тотчас из ближайшей норки выскочила маленькая серая мышь — и бесстрашно к ним приблизилась. Железному Дровосеку Королева Полевых Мышей доверяла вполне, он ведь спас ей однажды жизнь.

— Добрый день, ваше величество, — почтительно обратился Ник к Мыши. — Надеюсь, вы в добром здравьи!

— Благодарю, я вполне здорова, — пропищала Королева, присаживаясь на задние лапки, так что теперь все могли разглядеть на ее голове маленькую золотую корону. — Могу ли я быть полезна моим старым друзьям?

— Очень даже можете, — нетерпеливо заговорил Страшила, — если отпустите со мной в Изумрудный Город дюжину ваших подданных.

— Не будет ли им причинено вреда? — с некоторым сомнением спросила Королева.

— Решительно никакого, — отвечал Страшила, — они могут спрятаться в соломе, которую набито мое тело, а лишь только я подам знак, пусть выскакивают наружу и удирают со всех ног домой. Для них это не составит труда, зато мне поможет вернуть трон, незаконно захваченный Армией повстанцев.

— Ну что же, — сказала Королева, — я не откажу в вашей просьбе. Как только вы будете готовы, я призову сюда двенадцать самых смысленных моих подданных.

— Я готов хоть сейчас, — ответил Страшила. Он улегся на землю, расстегнул на себе сюртук и раздвинул немного солому, которой был набит.

Королева коротко пискнула, и в тот же миг двенадцать симпатичных полевых мышек выскочили из нор и выстроились перед своей правительницей в ряд, ожидая приказаний.

Что Королева им сказала на своем мышинном языке, никто из путешественников, конечно, не понял, но мыши быстро, одна за другой, подбежали к Страшילה и юркнули к нему за пазуху.

Когда все двенадцать мышей скрылись в соломе, Страшила вновь застегнул сюртук на все пуговицы и от души поблагодарил Королеву.

— Вы могли бы оказать нам еще одну услугу, — сказал Железный Дровосек, — если бы побежали впереди нас, указывая путь в Изумрудный Город. Кое-кто упорно мешает нам до него добраться.

— Я с радостью это сделаю, — отвечала Королева. — Когда отправляемся?

Железный Дровосек взглянул на Типа.

— Я уже отдохнул, — сказал мальчик. — Не будем мешкать.

И они возобновили свое путешествие. Королева Полевых Мышей бежала впереди, то останавливаясь и поджидая остальных, то вновь чуть не скрываясь из виду.

Без ее помощи Страшила и его товарищи, пожалуй, никогда не добрались бы до Изумрудного Города, ибо усилиями старой Момби на их пути вырастали все новые и новые препятствия. Ни одно из них не было заправдашним — все они только казались. Когда путь им преградила широкая стремительная река, маленькая Королева невозмутимо продолжила свой бег и благополучно пересекла поток, существовавший лишь в воображении, а за нею и остальные путешественники.

В другой раз на их пути выросла высокая — чуть не до неба — гранитная стена. Однако Полевая Мышь прошла прямехонько сквозь стену, то же самое сделали другие, а стоило им оказаться по ту сторону, как стена развеялась как дым.

Однажды, остановившись всего на минутку, чтобы дать отдых Типу, они вдруг оказались на перекрестье дорог, расходящихся у них из-под ног в сорока разных направлениях. Более того, эти сорок дорог завертелись, как крылья гигантской ветряной мельницы, сначала в одну сторону, потом в другую. Друзья застыли на месте, озадаченные и растерянные.

Но Королева велела им следовать за нею и устремилась вперед. Они сделали всего несколько шагов и, круговорот дорог исчезла, как будто ее не было и в помине.

Последний из фокусов, придуманных Момби, был, пожалуй, самым страшным. Путники увидели, как через луг прямо на них движется огненный столб. Тут Страшила в первый раз по-настоящему перепугался и чуть было не бросился бежать.

— Если пламя достигнет меня, я исчезну вмиг, — сказал он, дрожа всем телом, да так, что солома шуршала. — Опаснее для меня нет ничего на свете.

— И для меня тоже, — всхрипнул Конь, беспокойно завертевшись на месте, — дерево совсем сухое — вспыхнет, и поминай как звали.

— Не опасен ли огонь для тыкв? — испуганно спросил Тыквоголовый.

— Из тебя получится запеканка, да и из меня тоже, — отвечал Жук-Кувыркун, опускаясь на все четыре лапки, чтобы в случае нужды бежать как можно быстрее.

Но Железный Дровосек, которому огонь был не страшен, рассеял их опасения несколькими благоразумными словами.

— Вы посмотрите на Полевую Мышь! — воскликнул он. — Ее-то огонь совсем не жжет. Потому что это не огонь, а всего лишь мираж.

И действительно, маленькая Королева спокойно семенила сквозь грозное пламя, и один вид ее придавал мужества остальным, — они последовали за мышкой и прошли сквозь огонь, ни чуточки не обжегшись.

— Вот приключение так приключение! — дивился Жук-Кувыркун. — Это же против всех законов природы, которые преподавал в школе профессор Многознай!

— Так и есть, — сказал мудрый Страшила, — всякое колдовство противоестественно, потому-то его боятся и избегают люди и звери. Но я уже вижу ворота Изумрудного Города, а это значит, что мы одолели враждебные козни и почти достигли цели.

Впереди и впрямь ясно виднелись стены Изумрудного Города, и Королева Полевых Мышей, до сих пор бывшая им верным проводником, подошла в последний раз — попрощаться.

— Мы очень благодарны вашему величеству за помощь, — сказал Железный Дровосек, низко кланяясь прелестной мышке.

— Я всегда рада услужить друзьям, — ответила Королева и, не теряя времени даром, устремилась в обратный путь — домой.

15. В плену у королевы

Ворота Изумрудного Города охраняли две стражницы из числа повстанцев. При виде путешественников они вынули из причесок вязальные спицы и пригрозили проткнуть ими первого, кто подойдет ближе.

Железного Дровосека это ничуть не испугало.

— В худшем случае они поцарапают никелировку, — сказал он. — Но до «худшего случая» дело не дойдет, напугать этих горе-солдат ничего не стоит. Все смело за мной!

И, широко размахивая топором, он двинулся к воротам, за ним без колебаний последовали остальные.

Девушки этого никак не ожидали, они ужасно испугались сверкающего топора и с визгом бросились бежать в город. А наши путешественники беспрепятственно вошли в ворота и зашагали по широкой, мощенной зеленым мрамором улице к Королевскому Дворцу.

— Этак мы и оглянуться не успеем, как вновь увидим ваше величество на троне, — смеялся Железный Дровосек, легкая победа над стражей его сильно развеселила.

— Спасибо, друг Ник, — растрогано сказал Страшила, — разве кто устоит перед твоим добрым сердцем и острым топором!

В открытые двери домов было видно, что происходит внутри: мужчины мели полы и мыли посуду, а женщины сидели без всякого дела, весело болтая.

— Что тут у вас случилось? — спросил Страшила у какого-то очень грустного мужчины с растрепанной бородой и в переднике, катившего по тротуару детскую коляску.

— Случилась революция, ваше величество, да вы, наверное, и сами об этом слышали, — ответил мужчина. — С тех пор как вы нас покинули, женщины чего только не выделывают! Я рад, что вы решили вернуться и восстановить порядок, а то в домашних хлопотах да в заботах о детях мужская половина населения совсем выбилась из сил.

— Гм! — задумчиво произнес Страшила. — Если домашняя работа так тяжела, как ты говоришь, как же женщины с ней справляются?

— Право, не знаю, — отвечал прохожий с глубоким вздохом. — У них, похоже, нервы чугунные и сил невпроворот.

Так они шли по улице, и никто им не препятствовал. Несколько женщин, правда, прервали ненадолго свою болтовню и хихиканье, чтобы разглядеть получше наших друзей, но и только. Встречавшиеся им на пути девушки из Армии повстанцев не выражали ни удивления, ни

беспокойства, а вежливо уступали дорогу.

Страшилу это обстоятельство сильно озадачило.

— Боюсь, мы с вами направляемся прямым ходом в ловушку, — забеспокоился он.

— Чепуха! — разуверил его Ник-Дровосек. — Глупые девчонки просто перетрусили.

Однако Страшила покачал головой с большим сомнением, и Тип к нему присоединился:

— Что-то уж слишком легко у нас все получается. Того и жди беды.

— Вот я и жду, — ответил его величество. Так, никем не остановленные, они дошли до королевского дворца, поднялись по мраморным ступеням, еще недавно богато инкрустированным изумрудами, а теперь усеянным дырками, ибо почти все драгоценные камни были безжалостно выковыряны из своих гнезд. Но даже и тут ни одна из мятежниц не преградила им путь.

Пройдя по извилистым коридорам. Железный Дровосек с товарищами приблизились к тронному залу. Раздвинув зеленые шелковые занавеси у входа, они увидели перед собой следующую любопытную картину.

На сверкающем самоцветами троне сидела Генерал Джинджер, на голове ее красовалась запасная корона Страшилы, в руке она держала королевский скипетр. На коленях у девицы стояла огромная банка с карамелью, из которой она то и дело угощалась, как видно, уже вполне освоившись с королевским саном.

Страшила шагнул вперед прямо к трону. Железный Дровосек встал с ним рядом, опершись на топор, а остальные расположились полукругом чуть сзади.

— Не стыдно тебе сидеть на моем троне? — строго и властно обратился Страшила к самозванке. — Разве ты не знаешь, что ты изменница, а раз изменница, значит, нарушаешь закон?

— Кто трон захватил, тот на нем и сидит, — отвечала Генерал Джинджер, безмятежно посасывая очередную карамельку. — Я, как видишь, на нем сижу, значит, я королева, а все, кто против меня, — изменники, а раз изменники, значит — ты же сам только что сказал! — нарушают закон.

Такой неожиданный поворот обескуражил Страшилу.

— Что ты скажешь на это, дружище Ник? — растерянно спросил он Железного Дровосека.

— Насчет закона сказать не могу ничего, — ответил тот, — законы, я считаю, не для того пишутся, чтобы мы их понимали, так что не стоит и пытаться.

— Но что же нам делать? — спросил Страшила, как видно, не на шутку перепугавшись.

— Может быть, тебе жениться на Королеве? — предложил Жук-Кувыркун. — Тогда вы сможете править вместе.

Джинджер смерила насекомое свирепым взглядом.

— А почему бы не отправить ее домой, к маме? — придумал Тыквоголовый Джек.

Джинджер нахмурилась.

— Может быть, запереть ее в чулан и пусть там сидит, пока не исправится и не пообещает

хорошо себя вести? — подсказал Тип.

Губа Джинджер при этом презрительно оттопырилась.

— А всего лучше задать ей трепку, — посоветовал Конь.

— Ни в коем случае, — ответил Железный Дровосек. — Зачем наказывать бедную девочку? Мы лучше дадим ей драгоценных камней, сколько она сможет унести, и отпустим подобра-поздорову.

При этих словах Королева Джинджер громко расхохоталась и трижды хлопнула в ладоши, словно подавая кому-то знак.

— Что за глупые создания! — воскликнула она. — Я не желаю больше с вами возиться, я устала. Мне надоело выслушивать этот вздор.

Монарх и его друзья с изумлением внимали дерзкой речи, но в этот момент случилось нечто совершенно непредвиденное. Топор вдруг выскользнул из рук Железного Дровосека, тот попытался его поймать, но почувствовал, что не может пошевелиться, оказавшись вмиг не только безоружным, но и беспомощным. Тут раздался взрыв хохота: оглянувшись, друзья обнаружили, что со всех сторон окружены повстанцами, причем все девицы в каждой руке держали по вязальной спице. Тронный зал был до отказа заполнен вооруженными мятежниками, и Страшила с друзьями вынуждены были признать, что они в плену.

— Женской хитрости противостоять невозможно, — весело сказала Джинджер, — и это лишний раз доказывает, что в правители Изумрудного Города я гожусь больше, чем Страшила. Обещаю не причинять вам вреда, если и вы пообещаете мне в будущем не вредить, в противном случае мой гнев будет страшен. Это не относится к мальчишке, поскольку он — собственность старой Момби и должен быть ей возвращен С остальными, которые даже и не люди вовсе, я вольна обойтись, как захочу Коня и Тыквоголового я порублю на дрова для печи, а тыква пойдет на сладкий пирог. Страшила сгодится для растопки, а Железного Дровосека мы разберем на мелкие части и скормим козам. Что же касается этого огромного Жука-Кувыркуна...

— С вашего позволения. Сильно Увеличенного, — вставил Жук.

— Попрошу-ка я повара приготовить из тебя зеленый черепаховый суп, — проговорила в задумчивости Королева.

Жук-Кувыркун затрепетал.

— Впрочем, из тебя может получиться и неплохой гуляш, надо только потушить подольше, посолить да приправить, — добавила она жестоко.

Будущее, уготованное им Королевой, было ужасно, пленники переглянулись в полной растерянности. Только один Страшила не впал в отчаяние. Он стоял молча, глубокомысленно наморщив лоб, и, похоже, упорно придумывал способ спасения.

Внезапно он почувствовал, что солома на его груди слегка шевелится. Вмиг повеселев, он поднял руку к груди и стал не торопясь расстегивать пуговицу за пуговицей.

Его действия не остались, конечно, незамеченными, но о цели их ни одна из девиц даже не подозревала до той минуты, когда из-за пазухи у Страшилы не выскочила вдруг маленькая серая мышка. Она бросилась прямо в толпу повстанцев, за ней — еще одна, и еще... Мятежная Армия издала ужасный вопль, от которого вздрогнуло бы и самое мужественное сердце. За воплем последовало — не отступление, нет! — бегство, паническое, беспорядочное, позорное. Страшила успел заметить только вихрь юбок да мелькание ног —

отчаянно толкаясь, давя друг друга, девицы устремились вон из дворца.

Что касается Королевы, то она, едва завидя опасность, вскочила с ногами на трон и запрыгала на цыпочках по мягкому сиденью. Когда же одна, самая маленькая мышка начала карабкаться вверх по трону, бедная Джинджер в ужасе одним прыжком перемахнула через голову Страшилы, стрелой припустила по коридору, не останавливаясь ни на миг, пока не добежала до ворот города.

В мгновение ока тронный зал опустел. Когда в нем не осталось никого, кроме Страшилы и его друзей, Жук-Кувыркун воскликнул со вздохом облегчения:

— Слава Богу, мы спасены!

— Боюсь, что ненадолго, — сказал на это Железный Дровосек, — враг может в любое время вернуться.

— Надо забаррикадировать все входы во дворец, — решил Страшила. — Так мы выиграем время, а что делать дальше — будет видно.

И все, кроме Тыквоголового Джека, который был все еще крепко-накрепко привязан к седлу, побежали к разным входам в королевский дворец и принялись закрывать тяжелые двери, задвигать засовы и запирать замки. Теперь они были в безопасности, по крайней мере, на несколько дней. Закончив необходимые приготовления к обороне, наши любители приключений вновь собрались в тронном зале на военный совет.

16. Страшила думает

— Нельзя не признать, — начал Страшила, когда друзья снова собрались в тронном зале, — что девица Джинджер имеет ровно столько же прав на престол, сколько всякий другой человек. А если она права, то я, выходит, не прав. Спрашивается: зачем мы с вами вообще сюда явились?

— Но ведь до сих пор королем был ты, — возразил Жук-Кувыркун, который, засунув руки в карманы, с важным видом вышагивал взад-вперед. — И если посмотреть на дело с этой точки зрения, самозванка все-таки она.

— Тем более что мы ее победили и обратили в бегство, — добавил Тыквоголовый, двумя руками поворачивая собственную голову лицом к Страшילה.

— А разве мы ее победили? — усомнился Страшила. — Выгляните-ка кто-нибудь в окно и скажите, что оттуда видно.

Тип подбежал к окну и выглянул.

— Дворец окружен двойным кольцом вооруженных девиц, — объявил он.

— Так я и думал, — отозвался Страшила. — Мышей они испугались, но мы, увы, как были, так и остались их пленниками.

— Мой друг прав, — вздохнул Ник-Дровосек. Он стоял в сторонке и усердно полировал грудь лоскутом замши, — Джинджер по-прежнему королева, а мы по-прежнему ее пленники.

— Надеюсь, она не сможет до нас добраться! — содрогаясь от страха, воскликнул

Тыквоголовый. — Вы же помните, она пообещала пустить меня на пироги.

— Стоит ли из-за этого так расстраиваться?! — махнул рукой Железный Дровосек. — Ты ведь можешь испортиться и иным путем, — скажем, от долгого сидения в духоте. А по мне, лучше пойти на хороший пирог, чем бесславно сгнить.

— Согласен, — кивнул Страшила.

— О Боже, Боже! — застонал Джек. — Что за несчастная моя судьба! Почему, ну почему, дорогой папаша, ты не сделал меня из железа или хотя бы из соломы, — тогда я мог бы жить вечно!

— Хватит! — оборвал его нытье Тип. — Скажи спасибо, что я вообще тебя сделал. — И, подумав, добавил: — Рано или поздно всему приходит конец.

— Со своей стороны напоминаю, — вступил в разговор Жук-Кувыркун, оглядев товарищей своими круглыми печальными глазами, — что жестокая Королева Джинджер намеревается приготовить из меня гуляш. До того, что мир лишится в моем лице единственного и неповторимого Сильно Увеличенного, Высокообразованного Жука-Кувыркуна, ей нет никакого дела.

— А мысль вообще-то неплохая, — задумчиво пробормотал Страшила.

— Но суп, мне кажется, был бы вкуснее, — шепнул Железный Дровосек, наклонившись к другу.

— Пожалуй, — согласился Страшила.

Кувыркун застонал.

— В моем воображении, — сказал он горестно, — встает ужасная картина: козы дожевывают последние винтики и заклепки, оставшиеся от нашего дорогого друга Железного Дровосека, суп лично из меня варится на костре, в котором догорают тела Коня и Тыквоголового Джека, а Королева Джинджер помешивает в котелке поварешкой и подбрасывает в огонь пучки соломы, еще недавно наполнявшей тело нашего Страшилы.

От этих жгучих фантазий компания впала в тоску, всем стало неуютно и страшно.

— Ну, какое-то время мы еще сможем продержаться, — заявил Железный Дровосек, желая поддержать в друзьях бодрость духа.

— Чтобы войти во дворец, Джинджер придется сначала взломать двери.

— К тому времени я умру голодной смертью, как, впрочем, и Кувыркун, — заметил Тип.

— Ну я-то смог бы кормиться за счет Тыквоголового, — сказал Кувыркун. — Не то чтобы я особенно любил тыквы, но они, как известно, очень питательны, а Джекова голова на удивление крупная и спелая.

— Какое бессердечие! — воскликнул Железный Дровосек, неприятно пораженный услышанным. — Неужели мы, закадычные друзья, примемся поедать друг друга?!

— Ясно, что во дворце нам долго оставаться нельзя, — решительно сказал Страшила. — А потому давайте прекратим похоронные разговоры и подумаем лучше, как отсюда спастись.

Услышав эти слова, все поспешили поближе к трону, на котором восседал Страшила. Тип решил пристроиться рядом на табуретке, и тут у него из кармана выпала и покатилась по

полу перечница.

— Что это такое? — любопытствовал Ник Дровосек, поднимая коробочку.

— Осторожнее! — закричал мальчик. — Это оживительный порошок. Его и так мало осталось.

— А что такое оживительный порошок? — спросил Страшила, глядя, как Тип бережно кладет коробочку в карман.

— Это волшебное средство, которое Момби раздобыла у Кривого Колдуна, — объяснил мальчик. — С его помощью был оживлен Джек, а потом и Конь. Думаю, этот порошок может оживить кого угодно, но осталась, к сожалению, всего одна порция.

— Тем более она драгоценна, — рассудил Железный Дровосек.

— Согласен, — сказал Страшила. — Более того: мне кажется, что именно в ней наше спасение. А теперь я должен поразмыслить в течение нескольких минут, поэтому прошу тебя, дружище Тип, возьми нож и помоги мне освободиться от этой тяжелой короны.

Тип быстро перерезал нитки, которыми корона была приметана к голове Страшилы, бывший монарх Изумрудного Города со вздохом облегчения снял ее и повесил на гвоздик рядом с тронном.

— Это последнее, что связывало меня с королевским саном, — сказал он, — и я, честное слово, рад от нее избавиться. У предпоследнего короля, которого звали Пастория, корону отнял Волшебник Оз, он передал ее мне. Теперь она понадобилась девице Джинджер — что ж, от души желаю ей не получить впридачу головную боль.

— Похвальное человеколюбие! — одобрительно закивал Железный Дровосек.

— Теперь я отключусь ненадолго и сосредоточусь, — объявил Страшила и уселся поудобнее на троне.

Все молчали и старались не шевелиться, свято веря в необыкновенные умственные способности Страшилы.

Посидев в полной тишине довольно долго — так, во всяком случае, показалось ожидающим, — мыслитель встал и, окинув друзей лукавым взглядом, сказал им следующее:

— Мозги мои сегодня работают отменно. Право, есть чем гордиться. Слушайте: если мы попытаемся выскользнуть из дворца через двери, нас, конечно же, поймают. А раз по земле отсюда бежать невозможно, остается одно: бежать по воздуху.

Он помолчал немного, наслаждаясь эффектом своих слов, но слушатели были скорее обескуражены, чем поражены его мудростью.

— Волшебник Оз спасся на воздушном шаре. Правда, мы с вами не знаем, как делать воздушный шар. Но по воздуху можно улететь на чем угодно, лишь бы оно летало. Поэтому я предлагаю: пусть наш друг и знаменитый мастер Железный Дровосек построит какую-нибудь машину с большими крыльями. А наш друг Тип пусть посыплет самоделку своим волшебным порошком и оживит ее.

— Bravo! — вскричал Железный Дровосек.

— Просто чудо, какие мозги, — порадовался Джек.

— Нельзя не признать: остроумно, — согласился ученый Кувыркун.

— План, я думаю, вполне хороший, — сказал Тип, — разумеется, в том случае, если Железному Дровосеку удастся смастерить летучую самоделку.

— Буду стараться изо всех сил, — бодро отозвался Ник. — А мне, надо сказать, редко не удается то, за что я берусь. Но строить самоделку надо на крыше дворца, чтобы она смогла без помех подняться в воздух.

— Ты прав, — согласился Страшила.

— А раз так, нам нужно обыскать весь дворец снизу доверху, — продолжал Железный Дровосек. — Пусть каждый все, что найдет полезного, несет на крышу, а я там примусь за работу.

— Но вначале, — попросил Тыквоголовый, — пусть меня снимут с Коня и обеспечат новой ногой. В нынешнем состоянии я обуза для всех и даже для себя самого.

Железный Дровосек тут же отрубил ножку у красивого резного столика в гостиной и приспособил ее Тыквоголовому Джеку, которому обновка пришлась как нельзя более по вкусу.

— Чудно, — сказал он, наблюдая за работой Железного Дровосека. — Теперь левая нога станет самой прочной и красивой частью моего тела.

— И одновременно еще одним свидетельством твоей оригинальности, — добавил Страшила. — По моему убеждению, никто так не заслуживает внимания, как оригинальная личность. А тот, кто зауряден и даже сам себе не интересен, живет и умирает незаметно, что лист на дереве.

— Очень глубокая мысль! — похвалил Кувыркун, помогая Железному Дровосеку поднять Джека на ноги.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — участливо спросил Тип, наблюдая за тем, как Тыквоголовый ковыляет по залу на своей новой ноге.

— Как будто заново родился, — радостно отозвался Джек, — и готов теперь во всем быть вам поддержкой и опорой.

— Тогда за работу, — деловито скомандовал Страшила.

Итак, решив любой ценой вырваться из плена, друзья разошлись по дворцу в поисках подходящего материала для сооружения летательного аппарата.

17. Фантастический полет Рогача

Вскоре друзья вновь собрались на крыше, и чего только они с собой не нанесли: никто ведь не знал толком, что потребуется для самоделки! Кувыркун снял со стены в зале голову Рогача, украшенную роскошными рогами, и с огромными трудностями и предосторожностями втащил ее по лестнице на крышу. Рогач, надо вам сказать, очень похож на лося, только нос у него легкомысленно вздернутый, а борода на манер козлиной.

Чем Кувыркуну приглянулось это чучело и почему он решил прихватить его с собой —

объяснить не мог никто, даже он сам.

Тип вдвоем с Конем выволокли на крышу огромный старый диван с высокой спинкой и боками, такой тяжелый, что, поднимая его по лестнице с помощью могучего и неутомимого четвероногого, мальчик совсем выбился из сил.

Тыквоголовый принес метлу — первое, что попало ему на глаза. Страшила явился с мотком бельевой веревки, он подобрал ее во дворе, а карабкаясь по лестнице, так в ней запутался, что на крышу вывалился уже в клубке, который так бы, пожалуй, и покатился вниз, если бы Тип его вовремя не подхватил.

Железный Дровосек пришел последним. Он тоже побывал во дворе и срубил четыре широких разлапистых листа с огромной пальмы, которая там росла и которой очень гордились обитатели Изумрудного Города.

— Дружище Ник! — воскликнул Страшила, увидев, что сделал его друг. — Более тяжкого преступления в Изумрудном Городе совершить просто нельзя! Сколько я помню, порубка листьев с королевской пальмы карается семикратной смертной казнью с последующим пожизненным заключением.

— Теперь уж ничего не поделаешь, — сказал Железный Дровосек, сгружая огромные листья на крышу, — спасение только в бегстве.

Друзья с большим сомнением осмотрели груды хлама, выросшую перед ними. Страшила покачал головой и сказал:

— Если Ник сумеет смастерить из этого летучую самоделку, которая унесет нас к свободе, я готов признать его искуснейшим мастером на целом свете.

Сам Железный Дровосек был, похоже, не очень-то уверен в успехе. Довольно длительное время он энергично полировал кусочком замши лоб и лишь после этого взялся за дело.

— Очень важно, — сказал он, — чтобы корпус был достаточно большим и мы в нем могли разместиться. Самое большое, что у нас здесь есть, это диван. Но если машина накренится в полете, мы же разом попадаем вниз!

— Почему бы не соединить два дивана? — предложил Тип. — Внизу есть еще один точно такой же.

— Очень разумное предложение! — воскликнул Железный Дровосек. — Немедленно тащите сюда второй диван.

Тип и Конь с большим трудом выволокли на крышу второй диван, составили их сиденье к сиденью, так что бока и спинки образовали нечто вроде ограды, внутри которой все могли безопасно разместиться.

— Отлично! — обрадовался Страшила. — В таком уютном гнездышке можно летать в свое удовольствие.

Два дивана были крепко-накрепко связаны бельевой веревкой, а с одного края Ник-Дровосек привязал голову Рогача.

— Теперь ясно, где у нашей самоделки перед, — сказал он, очень довольный своей выдумкой. — Рогач будет украшать нос нашего корабля. А пальмовые листья, ради которых я семь раз подверг свою жизнь опасности, будут крыльями.

— А они достаточно крепкие? — усомнился мальчик.

— Крепче не бывает, — ответил Дровосек. — На вид они, правда, не идут в сравнение с корпусом, но нам сейчас выбирать не приходится.

И он привязал пальмовые листья к диванам, по два с каждой стороны.

Кувыркун был в восторге.

— Готово! — закричал он. — Осталось только оживить.

— Стойте, — вспомнил вдруг Джек. — А как же моя метла?

— К чему здесь метла? — спросил Страшила.

— Ну, можно привязать ее сзади, получится хвост, — ответил Тыквоголовый. — Разве можно считать летучую самоделку готовой без хвоста?

— Гм, — хмыкнул Железный Дровосек, — признаться, я не очень понимаю, зачем ей хвост. Мы не сооружаем зверя, или птицу, или рыбу. Нам нужно только одно: чтобы самоделка могла летать.

— Но может быть, когда она оживет, она будет использовать хвост как руль, — предположил Страшила. — Потому что, если она летает по воздуху, она все-таки похожа на птицу, а я не раз примечал, что у птиц есть хвосты, которыми они рулят в полете.

— Ну хорошо, — согласился Ник, — пусть метла будет хвостом. — И он крепко-накрепко привязал ее к заднему концу корпуса-дивана.

Тип достал из кармана перечницу.

— Уж очень эта штука велика, — с беспокойством сказал он, — не знаю, хватит ли порошка, чтобы оживить ее всю. Но я постараюсь растянуть, насколько возможно.

— Сыпь побольше на крылья, — посоветовал Ник-Дровосек, — они должны быть особенно сильными.

— И про голову не забудь! — напомнил Кувыркун.

— И про хвост, — добавил Тыквоголовый Джек.

— Вы лучше помолчите, — оборвал их Тип (он явно нервничал), — а то я что-нибудь напутаю в колдовстве.

С огромной осторожностью он начал рассыпать драгоценный порошок по самоделке. Прежде всего покрыл тонким слоем каждое из четырех крыльев, потом насыпал диваны и даже самую малость стряхнул на метлу.

— Голову! Голову! Умоляю, не забудь про голову! — возбужденно кричал Кувыркун.

— Но порошка осталось совсем немного, — сказал Тип заглядывая в коробочку, — важнее, мне кажется, оживить ножки диванов.

— Ты не прав, — возразил Страшила. — Голова всему голова! А поскольку этому существу летать, а не ходить, ноги оживлять даже и не обязательно.

С таким суждением Тип согласился и высыпал остаток порошка на голову Рогача.

— А теперь, — сказал он, — помолчите, я должен произнести заклинание.

Тип слышал, как произносила волшебную формулу старая Момби, и уже оживлял однажды Коня, поэтому он довольно уверенно выговорил все три слова, каждый раз производя руками соответствующий жест. Это была торжественная и впечатляющая церемония.

Самоделка вздрогнула всем своим громоздким телом, взревела, как ревут обыкновенно Рогачи в лесу, и отчаянно захлопала всеми четырьмя крыльями.

Страшным ветром, который от этого поднялся, Типа, конечно же, снесло бы с крыши, не успеет он ухватиться за трубу. Страшила, весивший меньше всех, отлетел далеко в сторону и, наверное, улетел бы неведомо куда, если бы Тип, по счастью, не успел схватить его за ногу. Кувыркун лег плашмя, прижался к крыше и таким образом избежал беды, а Железный Дровосек был достаточно тяжел и сам послужил якорем для Тыквоголового Джека, которого он обхватил обеими руками. Конь был повален порывом ветра и теперь лежал на спине, беспомощно суча ногами.

18. В гнезде Вороков

— Я прежде и слыхом не слыхивал о таких чудесах, — пропищал Рогач, чей голос странно не соответствовал могучему сложению. — Иду я как-то по лесу, вдруг слышу страшный гром и больше ничего не помню. Как будто меня что-то ударило, я уж думал, конец пришел. Так нет, полюбуйтесь: живехонек, да еще имею четыре чудовищных крыла и туловище, которого всякий уважающий себя зверь стыдился бы до слез. Как прикажете все это понимать? Кто я теперь — Рогач или чудо-юдо безродное?

При этих словах нелепое создание смешно пошевелило усами.

— Ты — Летающая Самоделка, — объяснил Тип, — а голова, точно, от Рогача. Это мы тебя смастерили, и мы тебя оживили, чтобы ты нес нас по воздуху, куда мы пожелаем.

— Вот оно что?! — воскликнула Летающая Самоделка. — Раз я не Рогач, значит, нет во мне Рогачиной гордости. Одно утешение: я, кажется, не особенно крепко сбит, а, стало быть, в неволе протяну недолго.

— Не говори так, умоляю! — вскричал Железный Дровосек, чье благородное сердце было тронуту этой жалостной речью. — Тебе, наверное, нездоровится сегодня.

— Откуда мне знать? — озадаченно пробормотал Рогач. — Живу-то всего первый день: здоровится, нездоровится, сразу не разберешь, — и он в задумчивости помахал хвостом-метелкой.

— Да полно тебе, — стал утешать его Страшила. — Не горюй! Мы будем тебе добрыми хозяевами, честное слово. Сил не пожалеем, лишь бы тебе жилось хорошо. А ты согласен нести нас по воздуху, куда мы пожелаем?

— Пожалуй, — кивнул Рогач. — По воздуху мне даже лучше. А то случись столкнуться в дороге с кем-нибудь из родни, стыда не оберешься!

— Как я тебя понимаю! — сочувственно покивал Железный Дровосек.

— Впрочем, — Рогач вдруг переменял тему разговора, — поглядеть на вас, любезные хозяева, — не скажешь, что хоть один сработан искуснее, чем я.

— Не верь глазам своим, — назидательно сказал Кувыркун. — Возьми, к примеру, меня:

Сильно Увеличен и притом еще Высокообразован!

— Надо же, — проямлил Рогач без особого, впрочем, чувства.

— Мои мозги — редчайшего сорта, — заметил как бы между прочим Страшила, — это всем известно.

— Подумать только! — покачал головой Рогач.

— Ну, а у меня, хоть я из железа, — заявил Железный Дровосек, — самое благородное и любящее сердце в целом мире.

— Рад слышать, — вежливо ответил Рогач и кашлянул.

— Советую приглядеться к моей улыбке, — не отставал от других Тыквоголовый Джек, — она ни на миг не сходит с лица!

— Семпер идем, — с важностью выговорил Кувыркун.

Рогач неуклюже повернулся и посмотрел на него озадаченно.

— Я тоже замечателен в своем роде, — заговорил Конь, решив прервать неловкое молчание, — тем более что не замечателен ни в чем другом.

— Я, право, польщен тем, какие у меня исключительные хозяева, — признался Рогач. — Самому-то мне, увы, похвастаться нечем.

— Дай срок, — ободрил его Страшила. — Познать себя — дело непростое, тут и месяца не хватит, скажу по опыту. К тому же мы постарше тебя, имей в виду. Однако время не терпит, — добавил он, обращаясь к остальным. — Все по местам — и в путь.

— Куда летим? — спросил Тип, забираясь на мягкое сиденье дивана и помогая залезть Тыквоголовому.

— Повелительницу Южной Страны зовут Глинда, — пропыхтел Страшила, с трудом забираясь в Самоделку. — Полетели-ка к ней, спросим ее совета.

— Лучше не придумай, — поддержал его Ник-Дровосек. Он посадил Кувыркуна, а потом забросил Коня на заднее сиденье.

— Глинду я хорошо знаю: она не оставит нас в беде.

— Все готовы? — спросил мальчик.

— Готовы, — ответил за всех Железный Дровосек, усаживаясь подле Страшилы.

— Тогда, — обратился Тип к Рогачу, — будь добр, неси нас на юг и лети так, чтобы не задевать деревья и крыши, но не особенно высоко, а то у меня закружится голова.

— Будет сделано, — коротко ответил Рогач.

Он взмахнул всеми четырьмя крыльями и поднялся в воздух. Путешественники изо всех сил вцепились в спинки и бока диванов. А Рогач развернулся в направлении юга и поплыл по воздуху величаво и стремительно.

— Каков пейзаж! — глубокомысленно заметил ученый Кувыркун. — Я бы сказал — изысканно картинный!

— Нашел время искать картинки! — фыркнул Страшила. — Держись крепче, того и гляди вывалишься. Самоделку что-то здорово качает.

— А ведь скоро стемнеет, — заметил Тип, увидев, что солнце клонится к горизонту. — Пожалуй, нам следовало бы дожждаться утра. Кто знает, сможет ли Рогач лететь в темноте.

— Лично я этого не знаю, — отозвался Рогач. — Для меня, видите ли, все в новинку. Раньше ноги меня носили по земле и довольно быстро. А теперь они как будто спят.

— Так оно и есть, — кивнул Тип. — Мы ведь их не оживляли.

— Поскольку тебе предстояло летать, — пояснил Страшила, — а вовсе не бегать.

— Бегать мы и сами можем, — добавил Кувыркун.

— Задачу понял, — парировал Рогач. — Буду стараться как могу.

Некоторое время они летели в молчании. Вдруг Тыквоголовый заерзал на месте.

— Не знает ли кто, — спросил он встревоженно, — как тыквы переносят высоту?

— Плохо переносят, — ответил ему Кувыркун, — особенно если падают с высоты. Но в этом случае тыква перестает быть тыквой, а превращается в тыквенное пюре.

— Неужели нельзя ради друга удержаться от красного словца? Я же просил тебя! — сердито сказал Тип, оборачиваясь к Кувырку ну.

— Просил, просил, — согласился Жук, — и я уже столько раз удерживался — не сосчитать. Но что поделаешь, слова как циркачи, их так и тянет кувыркаться на потеху почтенной публике.

— В таком кувырканий нет ничего почтенного, — строго сказал Тип.

— Неужели? — Кувыркун был искренне удивлен.

— Надо бы знать, — продолжал мальчик. — Ученых Кувыркунов на свете, может, еще и не бывало, но показная кувырк-ученость, к сожалению, стара как мир.

Жук сконфузился и на некоторое время умолк.

Пересаживаясь с места на место. Страшила заметил на сиденье перечницу, оброненную Типом.

— Брось ты ее, — сказал мальчик. — В ней же ничего нет, к чему нам она теперь?

— А точно ничего нет? — спросил Страшила, с любопытством разглядывая коробочку.

— Еще бы, — пожал плечами Тип. — Я вытряс весь порошок до пылинки.

— Но у нее, похоже, два дна, — вдруг объявил Страшила. — Смотрите, между внутренним дном и наружным — расстояние не меньше пальца.

— Дай-ка я погляжу, — попросил Железный Дровосек, забирая коробочку из рук приятеля.

Обследовав ее со всех сторон, он громко подтвердил.

— Так и есть: дно фальшивое. Что бы это означало?

— А нельзя ли заглянуть внутрь? — спросил Тип, чье любопытство разгорелось не на шутку.

— Почему бы нет? Нижнее дно отвинчивается, — сказал Железный Дровосек. — Вот только пальцы меня сегодня плохо слушаются Будь добр, попробуй-ка ты.

Он передал перечницу Типу, и тот без малейшего труда отвинтил дно. В углублении обнаружили три серебряные пилюли и аккуратно сложенный листок бумаги. Осторожно, стараясь не обронить пилюли, мальчик развернул его и увидел несколько строк, написанных красивым четким почерком красными чернилами.

— Прочти вслух, — попросил Страшила.

— «Знаменитые нежелательные пилюли доктора Пипта. Способ применения: проглоти пилюлю, досчитай по два до семнадцати и загадай желание. Оно будет тут же исполнено. Просьба соблюдать осторожность! Хранить в сухом и темном месте!»

— Вот так находка! — закричал Страшила.

— Находка и впрямь ценная, — согласился Тип. — Эти пилюли могут нам очень пригодиться. Интересно, знала ли сама старая Момби о том, что запрятано под дном перечницы? Помню, она говорила мне, что оживительный порошок достался ей от Кривого Колдуна, которого именуют доктор Пипт.

— Это, должно быть, могучий волшебник! — воскликнул Железный Дровосек. — Порошок подействовал без обмана, стало быть, и пилюлям можно верить.

— Только вот как же, — почесал в затылке Страшила, — досчитать до семнадцати по два? Семнадцать же — нечетное число.

— Правда, — разочарованно протянул Тип. — Досчитать по два до семнадцати совершенно невозможно.

— Выходит, на пилюли надежды нет, — захныкал Тыквоголовый. — Ах, беда, беда! А я-то как раз хотел пожелать, чтобы моя голова вечно сохраняла свежесть.

— Еще чего придумал! — оборвал его Страшила. — Если бы мы могли воспользоваться пилюлями, неужели не нашлось бы желания поважнее?

— Куда уж важнее! — взволновался бедняга Джек. — Ты бы не так заговорил, если бы твои мозги могли в любую минуту скиснуть!

— Лично я, — сказал Железный Дровосек, — сочувствую тебе от всей души. Но больше ничем помочь не могу, поскольку досчитать по два до семнадцати, как ни крути, невозможно.

Между тем сумерки сгустились, над головами путешественников нависли тучи. Луны не было видно. Рогач продолжал полет, его огромное тело-диван час от часу, неведомо почему, раскачивалось все сильнее. Жук-Кувыркун стал жаловаться на морскую болезнь. Тип тоже побледнел и приуныл. Остальным качка была нипочем. Но и они опасались случайно выпасть за борт, а потому сидели, крепко вцепившись в спинки диванов.

Тьма сгущалась, а Рогач все летел. Скоро было уже так темно, что пассажиры не могли разглядеть друг друга. Воцарилось тревожное молчание.

Наконец Тип, долго и сосредоточенно о чем-то размышлявший, заговорил:

— Как мы узнаем о том, что долетели до цели? — спросил он.

— Это будет не скоро, — ответил Дровосек, — до дворца Глинды путь не близкий.

— Но ведь нам неизвестно, с какой скоростью летит Рогач, — настаивал мальчик. — Земли отсюда не видно — этак мы можем к утру улететь неизвестно куда.

— Вот это было бы совсем некстати, — забеспокоился Страшила. — Надо бы приземлиться, но как? Мы можем угодить в реку или задеть верхушку колокольни и потерпеть крушение!

И поскольку делать все равно было нечего. Рогач продолжал лететь вперед, равномерно взмахивая гигантскими крыльями, а друзьям оставалось терпеливо дожидаться утра.

Наутро опасения Типа, увы, подтвердились. Когда при первых проблесках зари путешественники поглядели вниз, они увидели под собой широкую равнину, усеянную странного вида строениями. Крыши их были не куполообразные, как повсюду в Стране Оз, а покатые. Вдобавок по равнине разгуливали диковинные животные. Ни Страшила, ни Дровосек подобного никогда не видели, хотя во владениях Глинды бывали и не однажды.

— Мы заблудились! — горестно признался Страшила. — Рогач, похоже, унес нас далеко за пределы Страны Оз, через песчаную пустыню в ужасный Потусторонний Мир, о котором нам рассказывала Дороти.

— Скорее назад! — в панике закричал Дровосек Рогачу. — Разворачивайся сейчас же!

— Так и опрокинуться недолго, — возразил Рогач. — Я ведь еще неопытный летун и предпочел бы где-нибудь приземлиться, повернуться задом наперед, а потом уж снова взлететь.

Однако места, пригодного для посадки, не было видно. Внизу промелькнула какая-то очень большая деревня, или маленький городок. Вдали показалась горная цепь с острыми скалами и глубокими ущельями.

— Вот где можно приземлиться, — решил мальчик, когда горные вершины оказались совсем близко, и, повернувшись к Рогачу, скомандовал: — Садись сразу, как только увидишь ровное место.

— Сказано — сделано, — отозвался Рогач и начал садиться на узенькую площадку между двух отвесных скал.

Увы, не имея навыка. Рогач не смог хорошенько рассчитать скорость и промахнулся на целых полкорпуса, обломал при этом два правых крыла об острый край скалы, потом и вовсе потерял равновесие, не удержался и тяжело рухнул вниз. Друзья цеплялись за диваны, пока это было возможно, но когда Рогач, задев за выступ скалы, вдруг замер и повис кверху ногами, пассажиры посыпались вниз, как горох.

По счастью, падать пришлось недолго — прямо под ними, всего в нескольких метрах, оказалось чудовищной величины гнездо, выстроенное колонией Вороков. Так что при падении никто не пострадал, даже Тыквоголовый: драгоценная голова Джека уткнулась, как в подушку, в грудь Страшилы. Тип упал на кучу каких-то бумажек и даже не ушибся. Кувыркун звонко стукнулся круглой головой о спину Коня, но, кажется, без особого для себя ущерба.

Железный Дровосек был сильно потрясен падением, однако, оглядевшись и не обнаружив ни единой царапины на своем блестящем никелированном корпусе, повеселел и обратился к товарищам с речью.

— Ничего не скажешь, — начал он, — путешествие наше закончилось неожиданно. Но можем ли мы винить в случившемся нашего друга Рогача? По совести — нет. В трудную минуту он сделал все, что мог. Как нам теперь выбираться отсюда — вот в чем вопрос. На него пусть ответит тот, у кого мозги поострее моих.

При этих словах все взглянули на Страшилу. Тот подполз к краю гнезда и выглянул наружу. Внизу чернела глубокая пропасть. Сверху нависала совершенно голая отвесная скала с одним-единственным выступом, на котором болталось, зацепившись одним из диванов, покалеченное тело Рогача. Деваться было некуда и помощи ждать неоткуда. Убедившись в этом, маленькая компания путешественников впала в уныние.

— Мы снова в тюрьме! — печально заключил Кувыркун.

— Уж лучше б мы остались во дворце, — простонал Джек. — Горный воздух, может быть, вреден для тыкв.

— Клювы Вороков наверняка вреднее, — возразил Конь. Падая, он повалился на спину и теперь отчаянно дрыгал ногами, пытаясь перевернуться. — Тыквы для Вороков — первое лакомство.

— Ты думаешь, птицы еще вернутся? — ужаснулся Джек.

— Без всякого сомнения, — кивнул Тип, — ведь это их гнездо. И обитает их тут, похоже, не одна сотня, — добавил он, — вы только посмотрите, сколько всякой всячины они сюда натаскали!

Гнездо и впрямь было битком набито разнообразными предметами, для птиц совершенно бесполезными, которые Вороки год за годом таскали сюда из чужих домов. А поскольку гнездо размещалось в укромном, скрытом от глаз людей месте, к хозяевам эти вещи уже не возвращались никогда.

Порывшись в мусоре — Вороки ведь тащили все подряд: и ценные вещи, и ненужный хлам, — Кувыркун выковырял лапой великолепное брильянтовое ожерелье. Заметив восхищенный взгляд Железного Дровосека, он преподнес ему свою находку в дар, сказав подходящую к случаю торжественную речь. Счастливый Дровосек тут же повесил ожерелье себе на шею и не мог им налюбоваться. Действительно, брильянты сияли в солнечных лучах чудным блеском.

Но вдруг послышался страшный клекот, хлопанье множества крыльев — все ближе, ближе...

— Вороки возвращаются! — закричал Тип. — Сейчас они заметят нас, и тогда — пиши пропало!

— Вот чего я всегда боялся! — запричитал Тыквоголовый. — Наступает мой смертный час!

— Да и мой, кажется, тоже, — приуныл Кувыркун. — Вороки — злейшие враги всего моего рода.

Положение остальных было не столь отчаянно. Благородный Страшила вызвался защитить своих товарищей от клювов и когтей разъяренных птиц. Он велел Типу снять с Джека голову и спрятаться с нею на дне гнезда. Кувыркун улегся рядом с Типом, а Ник-Дровосек, уже по опыту знавший, что делать, вынул солому из всех частей Страшилиного тела, кроме головы, и засыпал этой соломой Типа и Кувыркуна, таким образом надежно спрятав их от врагов.

Едва он успел закончить эту работу, как стая Вороков приблизилась к гнезду. Заметив незваных гостей, птицы набросились на них с яростным криком.

19. Пожелательные пилюли доктора Пипта

Железный Дровосек был по натуре миролюбив, но если уж приходилось драться, сражался не хуже римского гладиатора. И когда Вороки, налетев, стали бить крыльями и царапать острыми клювами его блестящее никелированное туловище, Дровосек схватил топор и принялся что было силы вращать им над головой. Таким образом он распугал немало птиц, но на их место прилетали все новые, атакуя с неубывающей злостью и яростью. Набросившись и на Рогача, беспомощно повисшего над гнездом, птицы пытались выклевать ему глаза, но, к счастью, — глаза были стеклянные, и у них ничего не вышло. Напали Вороки и на Коня, однако тот, лежа по-прежнему на спине, брыкался и лягался отчаянно — и его деревянные копыта нанесли Ворокам не меньший урон, чем топор Дровосека.

Столкнувшись с упорным сопротивлением, птицы стали с досады расхватывать солому, лежавшую грудой посреди гнезда и прикрывавшую Типа, Кувыркуна и Джекову голову-тыкву, и травинка за травинкой выбрасывали ее в пропасть.

Голова Страшилы в ужасе взидала на то, как развеивается по ветру его соломенное содержимое. Опомившись, он отчаянно завопил, призывая на помощь Железного Дровосека, и добрый друг ринулся на выручку. Топор так и сверкал в самой гуще Вороков, а тут еще Рогач принялся размахивать уцелевшими крыльями, чем привел птиц в совершенное смятение. Когда же, благодаря этим усилиям, он вдруг сорвался с выступа скалы, на которой до сих пор висел, и тяжело плюхнулся в гнездо, ужас птиц был неопишуем. С громкими криками они устремились прочь и вскоре скрылись за горами.

Лишь только последний из врагов исчез, Тип поспешил выползти из-под диванов и помог выбраться оттуда Кувыркуну.

— Мы спасены! — ликовал мальчик.

— Спасены! Спасены! — вторил ему Образованный Жук, от радости готовый расцеловать морду доблестного Рогача. — И спасением обязаны нашей Летучей Самоделке и острому топору Дровосека!

— Если и я тоже спасен, будьте любезны, достаньте меня отсюда! — попросил Джек, чья голова все еще лежала под диваном.

Тип осторожно выкатил ее оттуда и водрузил на место. Он и Коню помог подняться на ноги, сказав при этом с чувством:

— Ты славно бился, большущее тебе спасибо!

— А мы, похоже, неплохо отделались, — сказал не без гордости Железный Дровосек.

— Отделались, да не все, — послышался слабый, голос откуда-то снизу.

Все повернулись и заметили голову Страшилы, которая откатилась к краю гнезда.

— Я полностью опустошен, — пожаловалась голова. — Куда, скажите на милость, подевалась солома, которой я был набит?

Этот вопрос заставил всех содрогнуться. В ужасе они оглядели гнездо — оно было пусто. Солома, вся до последней былинки, была разворована и развеяна по ветру.

— Мой бедный, бедный друг, — дрожащим голосом сказал Железный Дровосек, беря в руки голову Страшилы и с нежностью ее глядя. — Кто бы мог подумать, что тебя ожидает столь печальный конец?

— Я не жалел себя ради друзей, — всхлипнула голова, — и я даже рад, что встретил смерть в борьбе за общее дело.

— По-моему, вы зря расстраиваетесь, — вмешался вдруг Кувыркун, — ведь одежда Страшилы в полном порядке.

— Так-то оно так, — согласился Железный Дровосек, — но на что нам одежда, если ее нечем набить?

— А почему бы не набить ее деньгами? — предложил Тип.

— Деньгами, — воскликнули все разом в изумлении.

— Ну конечно, — пояснил мальчик. — Смотрите — здесь в гнезде тысячи долларовых бумажек, а есть и двухдолларовые, и пятидолларовые, и десятки, и двадцатки, и полсотенные Их хватит на дюжину Страшил Почему бы нам этим не воспользоваться?

Железный Дровосек поворошил в груде мусора рукояткой топора, и вскоре все убедились в том, что бесполезные, как им вначале показалось, бумажки были в действительности денежными купюрами разного достоинства, тоже, разумеется, ворованными В этом ни для кого не доступном гнезде лежали, как оказалось, несметные богатства. Заручившись согласием Страшилы, друзья немедленно начали претворять план Типа в жизнь.

Для начала они разложили деньги на несколько кучек, стараясь отбирать только самые новые и чистые. Левая нога и башмак Страшилы были набиты исключительно пятидолларовыми бумажками, правая нога — десятидолларовыми, а туловище — полусотенными, сотенными и тысячедолларовыми банкнотами, да так туго, что на бедняге едва застегивался сюртук.

— Теперь ты самый ценный член экспедиции, — заявил Кувыркун, подмигнув со значением, как только работа была закончена. — Но мы тебе будем верной защитой. Не бойся, у нас, как в банке.

— Спасибо вам, — расчувствовался Страшила. — Я будто заново родился. И хотя я теперь действительно стал похож на банковский сейф, прошу не забывать, что мозги мои — из прежнего материала. А ведь именно они уже не раз выручали нас в трудную минуту.

— Сейчас как раз очень трудная минута, — заметил Тип, — и, если твои мозги нас не выручат, придется куковать в этом гнезде до конца дней.

— Но у нас же есть пожелательные пилюли! — воскликнул Страшила, извлекая коробочку из жилетного кармана. — В них наше спасение!

— При этом требуется досчитать по два до семнадцати, — напомнил Железный Дровосек. — Наш общий друг Кувыркун утверждает, что высокообразован — пусть попробует.

— При чем тут образованность? — возмутился Кувыркун. — Вся закавыка в математике. Несчетное число раз я наблюдал за тем, как профессор решает на доске примеры. Послушать его, так с иксами, игреками, буквами и значочками можно делать, что угодно, главное — намешать побольше плюсов, минусов и «равно». Однако, насколько я помню, даже и он не решался утверждать, что нечетное число можно получить путем сложения четных чисел.

— Ой, как много ученых слов! — закручинился Тыквоголовый. — Голова трещит — сейчас лопнет!

— У меня тоже трещит, — мрачно сказал Страшила. — Твоя математика, как я погляжу, вроде банки с компотом: хочешь достать вишню — так сколько ни тыкай, все попадается не то. Я-то уверен: ларчик открывается просто. Если, конечно, открывается вообще.

— Согласен, — кивнул Тип. — Старуха Момби ничего не смыслила в иксах и игреках. Она и в

школе-то никогда не училась.

— А что, если вести счет от половины? — неожиданно предложил Конь. — Взять для начала две половины, а там, может, и до семнадцати недалеко?

Все переглянулись в изумлении: такой блестящей идеи от Коня не ожидал никто.

— Снимаю шляпу, — сказал Страшила и низко поклонился.

— Он прав, — воодушевился Кувыркун, — сложим две половины, получим единицу, а уж к ней начнем прибавлять по два и так дойдем до семнадцати.

— Удивляюсь, как это не я додумался первым! — пробормотал Тыквоголовый.

— А ты не удивляйся, — назидательно сказал ему Страшила. — И не считай себя умнее других.

— Дело теперь за желанием, — торопил друзей Тип. — Кому глотать первую пилюлю? Может быть, тебе?

— Мне нельзя, — замотал головой Страшила.

— Почему же нельзя? Рот-то у тебя есть, — удивился мальчик.

— Есть-то он есть, только нарисованный и глотать из него некуда, — объяснил Страшила. — По правде говоря, — признал он, вздохнув и критически оглядев компанию, — боюсь, что из нас глотать умеют только мальчик да Кувыркун.

— Тогда первое желание загадаю я, — вызвался Тип. — Подайте мне сюда серебряную пилюлю.

Туго набитые перчатки Страшилы не могли ухватить такой маленький предмет, и потому он протянул мальчику всю перечницу. Тип достал одну пилюлю и положил ее в рот.

— Считай же! — азартно вскричал Страшила.

Тип стал считать: «Половина, один, три, пять, семь, одиннадцать, тринадцать, пятнадцать, семнадцать!»

— Теперь говори желание! — торопил Железный Дровосек.

Но как раз в это мгновение мальчик почувствовал в животе страшную боль.

— Пилюля отравленная! — закричал он в страхе. — О-ой! Убили! Караул! О-ой! — И он стал, скорчившись, кататься по дну гнезда. Тут уж все перепугались не на шутку.

— Чем тебе помочь, дружище? Скажи скорей! — умолял Типа Железный Дровосек, по никелированным щекам которого катились слезы.

— О-ох, я не знаю! — причитал Тип. — О-ох! Лучше бы я не глотал эту пилюлю!

Боль прошла так же внезапно, как появилась.

Мальчик встал на ноги, а Страшила изумленно уставился в чудесную перечницу.

— Что ты там увидел? — спросил мальчик, которому тут же стало немного стыдно за проявленную слабость.

— Здесь снова три пилюли, — пробормотал Страшила.

— Вполне понятно, — объяснил Кувыркун, — ведь Тип сказал: лучше б я не глотал пилюлю. Вот желание и исполнилось: он ничего не глотал. Стало быть, в перечнице и должно быть три пилюли.

— Может, я ее и не глотал, — растерялся мальчик, — но только мне все равно было ужасно больно.

— Не логично, — продолжал рассуждать Кувыркун. — Если ты не глотал пилюлю, тебе не могло быть больно. А раз твое желание сбылось, значит, ты ее не глотал и больно тебе тоже не было.

— Выходит, это я притворялся, — обиделся Тип. — Глотай тогда сам. Жаль только, что желание уже потрачено.

— Ничуть не потрачено! — возразил Страшила. — В коробке как было три пилюли, так и осталось, все целехоньки.

— У меня уже голова пошла кругом, — пожаловался Тип. — Ничегошеньки не понимаю. Но глотать больше ничего не буду, можете быть уверены! — Он надулся и отошел в угол гнезда.

— Что ж, — сказал Кувыркун, — так и быть, спасу вас всех, не будь я Сильно Увеличенный и Высокообразованный. Загадывать желание здесь все равно, кроме меня, некому. Дайте сюда пилюлю.

Он проглотил ее без колебаний, под восхищенными взорами окружающих, потом досчитал до семнадцати по два в точности, как это сделал Тип. Почему — неизвестно, скорее всего, потому, что у жуков желудки крепче, чем у мальчиков, — но серебряная пилюля не доставила ему ни малейших неудобств.

— Желая, чтобы сломанные крылья Рогача сами собой починились и стали как новые! — медленно и торжественно проговорил Кувыркун.

Желание сбылось столь молниеносно, что, обернувшись, они увидели Рогача уже совершенно целым и готовым к полету, в точности как в тот момент, когда его оживили на крыше дворца.

20. Страшила просит помощи у Глинды

— Ура! — весело завопил Страшила. — Теперь мы свободны!

— Однако уже темнеет, — заметил Железный Дровосек, — не дожидаться ли лучше утра, не то попадем опять в какую-нибудь переделку. От этих ночных полетов добра не будет.

Посоветовавшись, путешественники решили ждать утра. А пока до темноты, чтобы скоротать время, обследовали Ворочье гнездо в поисках сокровищ.

Кувыркун нашел пару прекрасных золотых браслетов и тут же надел их на лапки. Страшила увлекся кольцами, которых в гнезде оказалось множество. Скоро ими были унижены все пальцы его туго набитых перчаток, включая даже и большие. А поскольку кольца он выбирал с яркими камнями — рубинами, аметистами и сапфирами, — руки его так и сверкали, несмотря на сумерки.

— Сюда бы Королеву Джинджер, — сказал он задумчиво. — Насколько я понимаю, ей и ее войску из всего моего королевства нужны были одни изумруды.

Железный Дровосек любовался своим брильянтовым ожерельем и заявил, что больше ему ничего не надо. Типу попались отличные золотые часы, они тикали теперь в его кармане. Кроме того, он прицепил парочку брильянтовых брошей к розовому жилету Тыквоголового, а на шею Коня повесил лорнет.

— На вид очень мило, — одобрил тот, — а что это такое?

Поскольку на этот счет никто не смог ему сказать ничего толкового, Конь решил, что ему досталось какое-то редкостное украшение, и остался этим вполне доволен.

Рогачу, чтобы не было обидно, надели на рога несколько крупных колец, но он на них и внимания не обратил, будучи к своему внешнему виду совершенно равнодушен.

Вскоре сгустилась тьма, и Тип с Кувыркуном уснули, все прочие уселись рядом и стали терпеливо дожидаться рассвета.

Едва забрезжило утро, вдалеке показалась огромная стая Вороков. Птицы быстро приближались, с явным намерением возобновить битву за гнездо.

Однако наши путешественники не стали дожидаться нападения, а расселись поскорее на мягких сиденьях диванов, и Тип дал Рогачу команду взлетать.

Они взвились в воздух, и спустя уже несколько мгновений сильные и мерные взмахи крыльев унесли их так далеко от гнезда, что Вороки даже и не пытались их преследовать.

Самоделка взяла курс на север, откуда они прилетели. По крайней мере так думал Страшила, который в сторонах света смыслил, по общему мнению, больше других. Оставляя позади города и деревни, Рогач нес их над широкой равниной, домишки стали встречаться все реже и, наконец, исчезли совсем. Дальше путь лежал через пустыню — ту самую, что отделяет Страну Оз от всего остального мира, и к полудню внизу уже замелькали дома с куполообразными крышами, а это означало, что они наконец дома.

— Здесь все голубое — и дома, и заборы, — отметил Железный Дровосек, — значит, мы в Стране Жевунов. Отсюда до владений Глинды путь неблизкий, но главное — неизвестно, в какую сторону лететь.

— Как же быть? — спросил мальчик, поворачиваясь к предводителю их маленькой экспедиции.

— Не знаю, — честно признался Страшила. — Если б мы были в Изумрудном Городе, я бы сказал: летим прямо на юг и не ошибемся. Увы, в Изумрудном Городе нам показываться никак нельзя. Рогач летит быстро, но в нужную ли нам сторону? Вот вопрос.

— Пусть тогда Кувыркун проглотит еще одну пиллюлю, — решительно сказал Тип, — и пожелает, чтобы мы летели в ту сторону, в которую нам надо.

— Согласен, — сказал Сильно Увеличенный, — и сделаю это с превеликим удовольствием.

Однако, когда Страшила стал шарить рукой в кармане в поисках перечницы с двумя оставшимися нежелательными пиллюлями, там оказалось пусто. В тревоге путешественники обыскали весь свой летучий дом, но драгоценная коробочка исчезла бесследно.

А Рогач все летел, унося их неведомо куда.

— Наверное, я оставил перечницу в Ворочьем гнезде, — предположил наконец Страшила.

— Плохо наше дело, — вздохнул Железный Дровосек. — Впрочем, не хуже, чем до того, как мы нашли нежелательные пилюли.

— Даже лучше, — ободрил друзей Тип, — ведь одной из них мы успели-таки воспользоваться и спаслись благодаря ей из ужасного гнезда.

— Другие две нам бы тожегодились, если б не моя рассеянность, — виновато признался Страшила. — В путешествии вроде нашего несчастья подстерегают на каждом шагу: кто знает, может быть, в этот самый момент мы устремляемся навстречу новой опасности.

Разуверять его никто не стал, все угрюмо молчали.

А Рогач продолжал лететь.

— Смотрите! — воскликнул вдруг Тип в изумлении. — Внизу все красного цвета — мы, кажется, попали в Южное Королевство!

Перевесившись через спинки диванов, все, кроме Джека, который не желал рисковать головой, стали разглядывать местность. И верно: дома были розовые, деревья розовые, заборы розовые, а это могло означать лишь одно — они во владениях Глинды. Еще несколько минут полета — и Железный Дровосек, стал узнавать дороги и здания. Теперь добраться до дворца знаменитой волшебницы уже ничего не стоило.

— Какая удача! — ликовал Страшила. — Без всяких пилюль дело обошлось, мы у цели!

Самоделка стала снижаться и приземлилась наконец на зеленый бархатный газон в прекрасном саду Глинды. Поблизости бил фонтан, а вместо водяных струй высоко в воздух взлетали алмазы и рассыпались по дну мраморного бассейна с нежным звоном.

Сады Глинды были великолепны, путешественники оглядывались в восхищении, забыв обо всем, и даже не заметили, как откуда-то появилась стража. Войско великой волшебницы мало походило на Армию повстанцев Генерала Джинджер, хотя тоже состояло в основном из девиц. Они были одеты в щегольские мундиры, вооружены саблями и копьями, а маршировали с удивительным изяществом и ловкостью.

Возглавлявший войско Капитан, он же личный телохранитель Глинды, сразу узнал Страшилу и Железного Дровосека и почтительно их приветствовал.

— Добрый день! — поздоровался Страшила, галантно снимая шляпу, между тем как Дровосек по-солдатски взял под козырек.

— Мы хотели бы просить прекрасную правительницу вашей страны принять нас.

— Глинда ждет вас во дворце, — ответил Капитан, — и уже давно.

— Странно! — удивился Тип.

— Ничуть не странно, — объявил Страшила. — Глинда — могущественная волшебница. От ее внимания не ускользает ничего из происходящего в Стране Оз. Пожалуй, она не хуже нас с вами знает, зачем мы к ней прилетели.

— Тогда зачем же было лететь? — вытаращил глаза Тыквоголовый.

— Хотя бы для того, чтобы выяснить — у кого на плечах голова, а у кого — тыква, — ответил Страшила. — Однако не будем заставлять волшебницу ждать!

И в направлении дворца тронулась странная процессия — возглавлял ее Капитан, а в хвосте тяжело топал Конь.

Глинда, восседавшая на рубиновом троне, едва сдержала улыбку при виде необыкновенной делегации. Страшилу и Железного Дровосека она знала и любила давно, но чудака Тыквоголового и Сильно Увеличенного Кувыркуна видела, конечно, впервые. Конь, будучи всего лишь ожившим поленом, был неловок и неопытен в придворных церемониях: кланяясь, он бухнулся головой об пол с таким треском, что развеселил до слез и войско, и даже саму Глинду.

— Осмелюсь доложить вашему сиятельному Высочеству, — торжественно начал Страшила, — что мой Изумрудный Город захвачен шайкой разбойных девиц, вооруженных до зубов вязальными спицами. Они обратили в рабство всех мужчин в государстве, расхитили все изумруды с улиц и с общественных зданий, а в довершение всех безобразий согнали меня с престола.

— Мне это известно, — кивнула Глинда.

— Они посмели угрожать смертью мне, а также моим верным друзьям и союзникам, стоящим здесь перед тобой, — продолжал Страшила, — и если бы мы не спаслись бегством, нам уже давно пришел бы конец.

— Мне и это известно, — сказала Глинда.

— Поэтому я взываю к тебе о помощи, — заключил Страшила — ибо я знаю, что ты всегда готова протянуть руку несчастным и угнетенным.

— Все это так, — неторопливо проговорила Волшебница, — но теперь Изумрудным Городом правит Генерал Джинджер, она провозгласила себя королевой. Так, может, пусть себе правит?

— Она же самозванка! — возмутился Страшила.

— А ты помнишь, как сам оказался на троне? — спросила его Глинда.

— Меня возвел на него Волшебник Изумрудного Города, с согласия и одобрения всего народа, — ответил Страшила, немного смутившись.

— А как оказался на троне сам Волшебник? — продолжала расспрашивать Глинда.

— Говорили, что он отнял его у некоего Пастории, — вспомнил Страшила, который под внимательным взглядом Волшебницы чувствовал себя все более и более неловко.

— Стало быть, — заключила Глинда, — ни ты, ни Джинджер, ни даже Волшебник не были полноправными правителями Изумрудного Города, им был только Пастория.

— Пожалуй, что так, — смиренно признал Страшила. — Однако Пастория ведь давно умер, а править кому-то надо.

— У Пастории была дочь, законная наследница престола. Что ты на это скажешь? — спросила Волшебница.

— Никогда о ней не слышал, — удивился Страшила, — но, если девочка жива, ничего не имею против. По мне, главное — свергнуть эту разбойницу Джинджер. А трон — что мне трон? Ни радости от него, ни пользы, особенно для того, кто имеет мозги. Я уж и сам начинал подумывать о более достойном занятии. Но где же эта девочка-принцесса, и как ее зовут?

— Зовут ее Озма, — ответила Глинда. — А где она, я и сама не знаю. Дело в том, что Волшебник, завладев тронем ее отца, девочку куда-то спрятал при помощи хитрого колдовства, неведомого даже мне, а ведь я искусная и опытная волшебница.

— Ну и дела! — воскликнул Кувыркун. — А мне сколько раз говорили, что Волшебник был просто мошенником.

— Как можно верить пустой болтовне! — вскричал Страшила, больно уязвимый этими словами. — Разве не он одарил меня первоклассными мозгами?

— А меня — сердцем, самым что ни на есть настоящим! — возмущенно сверкнул глазами Железный Дровосек.

— Похоже, меня ввели в заблуждение, — сконфузился Жук. — Сам я с Волшебником не знаком.

— Но мы-то знакомы, — отрезал Страшила, — и уверяю тебя, это великий чародей. Конечно, иной раз он мог и смошенничать, не без этого. Но разве под силу ему было бы запрятать эту девочку Озму, да так, что ее по сей день невозможно найти, не будь он настоящим волшебником?

— Беру свои слова обратно, — сдался Жук.

— Вот наконец разумная речь, — одобрительно кивнул Железный Дровосек.

— Девочку надо отыскать, — выйдя из задумчивости, вновь заговорила Волшебница. — В моей библиотеке есть Книга Событий, в которой записано все, что делал Волшебник, пока жил в Стране Оз, — по крайней мере, все, о чем мне докладывали. Сегодня вечером я еще раз внимательно перечту эту книгу, быть может, мне удастся напасть на след Озмы. А вы пока отдыхайте и развлекайтесь. Чувствуйте себя как дома. До завтра.

Расставшись с хозяйкой дворца, путешественники отправились гулять по ее чудесным садам. Право, здесь было на что посмотреть и чему подивиться.

Утром они вновь предстали перед Глиндой, и вот что она им сказала:

— Я внимательно перечитала все записи в Книге о Волшебнике, из них подозрительными мне показались только три: он ел бобы с ножа, он трижды тайно навестил старую Момби и он слегка хромал на левую ногу.

— Вот! Это последнее — ужасно подозрительно! — воскликнул Тыквоголовый.

— Разве? — пожал плечами Страшила. — У него, может быть, были мозоли. Мне лично куда более подозрительной кажется эта причуда с бобами.

— Но может быть, именно так их едят в Омахе — великой стране, откуда Волшебник родом, — предположил Железный Дровосек.

— И так может быть, — согласился Страшила.

— Однако же зачем, — обратилась Глинда к собравшимся, — он трижды побывал у старой Момби?

— Зачем? — как эхо повторил Кувыркун.

— Все знают, что Волшебник обучил старуху многим колдовским трюкам, — продолжала Глинда, — а он не стал бы этого делать даром. Значит, она ему чем-то помогла. Уж не тем

ли, что упрятала от глаз людских юную принцессу? Ведь если бы люди знали, что она жива, ее признали бы королевой по праву и по закону.

— Какая тонкая мысль! — восхитился Страшила. — Момби наверняка замешана в этом подлом деле. Это ясно как дважды два. Но что же нам теперь делать?

— Прежде всего найти Момби, — сказала Глинда. — Пусть расскажет, где спрятана девочка.

— Момби сейчас в Изумрудном Городе с Генералом Джинджер, — сказал Тип. — Это она строила нам всякие козни по пути сюда. Это она подговаривала Джинджер вернуть меня назад в неволю, а моих друзей казнить.

— Раз так, — решила Глинда, — мы пойдем войной на Изумрудный Город и возьмем Момби в плен. Уж тогда-то ей придется рассказать нам всю правду об Озме!

— Ах, это ужасная старуха! — Тип даже вздрогнул при воспоминании о черном котелке. — К тому же она страшно упряма.

— Я тоже упряма, — очаровательно улыбнулась Волшебница, — и ни капельки ее не боюсь. Даю день на сборы, завтра на рассвете мы выступаем в поход.

21. Железный Дровосек срывает розу

Войско Глинды, собравшееся с рассветом у ворот замка, выглядело празднично, но вместе с тем и внушительно. Мундиры девиц отличались изяществом и веселостью расцветок, серебряные наконечники их копий так и сияли на солнце. В руках у каждого офицера была короткая, до блеска начищенная сабля и щит, украшенный павлиньими перьями, — едва ли нашелся бы враг, способный противостоять столь блестящей армии.

Волшебницу несли в паланкине, напоминавшем экипаж, — у него были дверцы и окна, занавешенные шелковыми шторками, а вместо колес — два горизонтальных шеста, лежавшие на плечах у двенадцати носильщиков.

Страшила с друзьями, чтобы не отстать от войска, решили лететь на Рогаче. Вскоре все они двинулись вперед под музыку оркестра. Рогач летел самым тихим ходом на небольшой высоте прямо над паланкином Волшебницы.

— Ты уж поосторожней, — беспокоился Железный Дровосек, глядя, как Страшила, желая получше разглядеть войско, далеко перевесился через спинку дивана.

— А ему нипочем ни крах, ни разорение, — вставил образованный Кувыркун, — он у нас — мешок с деньгами.

— Я же тебя просил, — укоризненно покачал головой Тип.

— Просил, — торопливо согласился Кувыркун. — И со своей стороны тоже прошу прощения. Обещаю в дальнейшем сдерживаться изо всех сил.

— Уж ты постарайся, — сухо сказал мальчик. — Не то выключим тебя из нашей компании.

— Ах, только не это, я не вынесу разлуки, — испуганно замахал лапами Жук, и на том разговор закончился.

Войско быстро продвигалось вперед, и все же стен Изумрудного Города удалось достичь

только к ночи. При слабом свете молодого месяца в полной тишине город был окружен, а на зеленых лужайках разбиты розовые палатки. Палатка Волшебницы была из белоснежного шелка, размером побольше других, над нею трепетали на ветру розовые стяги. Для Страшилы и его друзей солдаты поставили отдельную палатку. Все это было сделано быстро, с военной четкостью, после чего войско улеглось спать.

Вообразите себе изумление Королевы Джинджер, когда на следующее утро к ней ворвались ее солдаты с криками о том, что город окружен бесчисленным войском. Она немедленно взобралась на самую высокую башню дворца и увидела розовые развевающиеся стяги, а прямо напротив ворот — белую палатку Глинды.

— Все пропало! — зарыдала в отчаянии Джинджер. — Куда нам с вязальными спицами против длинных пик и страшных сабель!

— Самое лучшее, что мы можем сделать, — посоветовала одна из девиц, — поскорее сдаться, пока они нас не трогают.

— Ну нет, — возразила Джинджер, которая вовсе не была трусихой. — Город пока не взят, попробуем выиграть время путем переговоров. Отправляйся к Глинде под флагом перемирия — спроси, зачем она пришла сюда с войском и чего хочет.

Под белым флагом в знак того, что идет с мирной целью, посланница вышла из ворот и вскоре явилась в палатку Глинды.

— Скажи своей Королеве, — сказала девушке Волшебница, — что я прошу выдать мне в плен старую Момби. Как только она это сделает, я ей больше не враг.

Узнав об этом требовании, Королева пришла в сильнейшее замешательство: Момби была ей главной советницей, к тому же Джинджер страшно боялась старую ведьму. Тем не менее она послала за ней и рассказала все как есть.

— Вижу, вижу, что всем нам предстоят большие неприятности, — забормотала старая колдунья, глядя в волшебное зеркальце, которое всегда носила с собой в кармане. — Но мы еще можем выпутаться и перехитрить Волшебницу, пусть не думает, что умнее ее никого нет.

— Пожалуй, лучше бы мне выдать тебя ей, — занервничала Джинджер.

— Попробуй только — и не видать тебе трона в Изумрудном Городе как своих ушей, — пригрозила ведьма. — А если будешь меня слушаться, спасу и тебя, и себя, вот увидишь.

— Ну, поступай как знаешь, — согласилась Джинджер. — Мне ужасно нравится быть королевой, а возвращаться домой, опять убирать постели да мыть посуду никакой охоты нет.

Тогда Момби позвала к себе Джелию Джемм и сотворила над ней какое-то колдовство. В результате девушка стала как две капли воды похожа на Момби, а старая колдунья приняла ее облик.

— А теперь, — обратилась Момби к Королеве, — пусть твои солдаты отведут эту девицу в стан Глинды. Она поверит, что перед ней настоящая Момби, и уберется восвояси в Южную Страну.

И Джелию, которая теперь прихрамывала, как старуха, вывели из городских ворот и доставили к Глинде.

— Вот вам ваша пленница, — сказала одна из стражниц. — Наша Королева надеется, что вы сдержите свое обещание и оставите нас в покое.

— Я, разумеется, так и поступлю, — сказала Глинда, добродушно улыбаясь, — если вы и впрямь доставили ко мне ту, о которой шла речь.

— Как же не ту? Разве вы не узнаете старую Момби? — искренне изумилась стражница, не подозревавшая об обмане, и солдаты Джинджер отправились назад в город.

Волшебница спешно призвала Страшила и его друзей в свою палатку и начала задавать мнимой Момби вопросы об исчезнувшей девочке Озме. Но Джелия ни на один вопрос ответить не могла и в конце концов так расстроилась, что расплакалась навзрыд, чем несказанно удивила Глинду.

— Что за глупые выходки! — возмутилась Волшебница, и взгляд ее гневно засверкал. — Это совсем не Момби, нас решили обмануть! Признайся, как тебя зовут, — обратилась она к дрожащей девушке.

Но признаться Джелия не смела, ведь колдунья запретила ей это под страхом смерти. Впрочем, нежная и прекрасная Глинда смыслила в колдовстве больше, чем кто-либо в Стране Оз. Произнеся несколько волшебных слов и сделав рукой магический знак, она в мгновение ока вернула девушке ее истинный облик. В то же самое мгновение Момби во дворце Джинджер опять стала старой скрюченной уродиной.

— Да это же Джелия Джемм! — воскликнул Страшила, узнав свою старинную знакомую.

— Это наша переводчица, — радостно кивая, подтвердил Тыквоголовый.

Теперь уж Джелия рассказала все о проделках Момби, после чего стала просить Глинду о защите и покровительстве, и в этом ей, разумеется, не было отказано. Глинда, однако же, рассердилась не на шутку и послала к Джинджер гонца с вестью о том, что коварная хитрость разоблачена, и с требованием немедленно выдать настоящую Момби во избежание ужасных последствий.

Джинджер это послание не застало врасплох: колдунья, лишь только к ней вернулся ее истинный облик, догадалась о том, что ее колдовство раскрыто, и успела не только придумать новый обман, но и уговорить Джинджер действовать с ней заодно. Поэтому посланнику Глинды Королева ответила вот что:

— Скажи своей госпоже, что Момби исчезла, я нигде не могу ее найти. Но если Глинде угодно, она может взять себе в помощь своих друзей, однако если они не сумеют найти Момби до заката солнца, пусть обещают уйти с миром и больше никогда на нас не нападать.

Глинда согласилась на эти условия, отлично понимая, что Момби спряталась где-то в стенах Города. Итак, Джинджер велела открыть ворота, в них вошла Глинда с отрядом своих солдат, за нею — Страшила и Железный Дровосек, следом ехал Тыквоголовый верхом на Коне, а последним трусил, сохраняя, однако, достоинство и важность, Высокообразованный и Сильно Увеличенный Кувыркун. Тип шел рядом с Глиндой — они успели уже стать друзьями.

Разумеется, старая Момби меньше всего на свете хотела быть найденной, поэтому, пока ее враги шли маршем по улицам Города, колдунья превратилась в алую розу, цветущую на виду у всех в дворцовом саду. Это была чрезвычайно удачная выдумка — Глинда и ее друзья потратили драгоценные часы в бесплодных поисках Момби, но, конечно же, ее не нашли.

Солнце стало клониться к закату, и Волшебнице пришлось признать свое поражение: старой, опытной в коварстве ведьме удалось ее перехитрить. Войско получило приказ покинуть Город и разойтись по своим палаткам.

Страшила с товарищами как раз в это время обыскивали сад. Хотя и неохотно, они

вынуждены были подчиниться приказу Глинды. На прощание Железный Дровосек, большой любитель цветов, сорвал с куста красивую крупную розу, чтобы вставить ее в железную петлицу на своей железной груди.

При этом роза издала тихий стон, но Дровосек не обратил на него внимания, решив, что ему почудилось. Таким образом, Момби очутилась за городской стеной в лагере Глинды. Поиски окончились успешно, хотя об успехе никто и не подозревал.

22. Превращения старой Момби

Оказавшись во вражеском плену, колдунья поначалу испугалась, но вскоре решила, что грудь Железного Дровосека — убежище не менее надежное, чем розовый куст. К тому же теперь, когда она оказалась за воротами Города, сбежать от Глинды было совсем не трудно.

«Впрочем, торопиться некуда, — размышляла Момби, — я могу повременить и насладиться от души своим торжеством».

Поэтому всю ночь роза спокойно спала на груди Железного Дровосека, а утром, когда Глинда собрала своих друзей на совет в палатке из белого шелка, явилась туда вместе с ним.

— К глубокому сожалению, — заявила Глинда, — нам так и не удалось отыскать коварную Момби. Экспедиция, увы, закончилась неудачей. Это тем более печально, что без нашей помощи юная Озма никогда не будет найдена и спасена и, стало быть, не сможет занять своего законного места на троне в Изумрудном Городе.

— Может быть, не стоит так сразу сдаваться? — сказал Тыквоголовый. — Попробуем предпринять что-нибудь еще!

— Что-нибудь мы обязательно предпримем, — с улыбкой отвечала Глинда. — Я только ума не приложу, как могло случиться, чтобы меня перехитрила какая-то ведьма, — она ведь смыслит в волшебстве куда меньше, чем я.

— А может, нам все-таки взять штурмом Изумрудный Город? — предложил Страшила. — Разумеется, ради принцессы Озмы. А пока мы будем ее искать, я готов временно править, потому что, честное слово, понимаю в этом деле больше, чем Джинджер.

— Но я же пообещала Джинджер, что мы не будем с нею воевать, — возразила Глинда.

— Тогда приглашаю всех в мое королевство, точнее, в мою империю, — громко заявил Железный Дровосек, широким гостеприимным жестом обводя присутствующих. — Я буду счастлив видеть вас у себя в гостях. Места во дворце много — хватит на всех и еще останется. А если кто пожелает украсить себя блестящим никелевым покрытием, мой слуга сделает это для вас совершенно бесплатно.

Пока Дровосек держал эту речь, Глинда внимательно разглядывала розу в его петлице — ей показалось, что большие красные лепестки слегка шевелятся. Подозрение мгновенно превратилось в уверенность — нет, это вовсе не роза, а Момби, принявшая вид цветка. Однако и Момби в тот же самый миг поняла, что разоблачена, и — в превращениях она была большой мастерицей, ничего не скажешь — обратилась в тень и скользнула по стене палатки к выходу.

И все же Глинда превосходила ведьму — не только хитростью, но и опытом. Она успела опередить тень и жестом руки преградила ей путь к отступлению. Теперь Момби бежать было

некуда.

Страшиллу и его друзей действия Глинды крайне удивили: никто из них не заметил тени. Волшебница рассеяла их недоумение, сказав:

— Прошу всех оставаться на своих местах и не шевелиться. Ведьма сейчас среди нас, в этой палатке, и я думаю, что мне удастся ее изловить.

Эти слова настолько встревожили Момби, что она из тени тут же превратилась в черного муравья, собираясь заползти в какую-нибудь ямку или щелочку в земле и там спрятаться.

К счастью, земляной пол палатки, установленной прямо напротив городских ворот, был ровен и хорошо утоптан. Глинда тут же заметила ползущего по нему муравья и бросилась его ловить. Но в тот момент, когда ее рука готова была опуститься и прихлопнуть насекомое, ведьма в ужасе напрягла последние силы, преобразилась еще раз, теперь — в огромного грифона, рванулась напролом из палатки, разрывая в клочья белый шелк, и бросилась прочь с быстротой урагана.

Глинда без промедления последовала за ней. Вскочив на Коня, она вскричала:

— А ну-ка, докажи, что тебя оживили не зря. Скачи что есть духу, скачи изо всех сил!

И Конь поскакал. Как молния, мчался он вслед за грифоном, его деревянных ног даже видно не было — так быстро они мелькали. Наши друзья еще не успели оправиться от изумления, а грифон и Конь уже исчезли из виду.

— В погоню! За ними! — громко завопил Страшила.

Они бросились к Рогачу и в одно мгновение расселись по местам.

— Лети! — взволнованно скомандовал Тип.

— Куда? — хладнокровно осведомился Рогач.

— Не знаю, — сказал Тип сердито, ибо промедление выводило его из себя, — но с высоты мы наверняка увидим, куда направляется Глинда.

— Очень хорошо, — все так же спокойно ответил Рогач и, расправив свои огромные крылья, поднялся высоко в небо.

Вдали среди полей они увидели две крошечные, быстро передвигающиеся точки — это были грифон и Конь. Тип указал на них Рогачу и велел догонять. Но как ни быстро летел Рогач, те мчались еще быстрее и через несколько минут совсем скрылись за горизонтом.

— Вперед! Вперед! — не унимался Страшила. — Ведь Страна Оз совсем маленькая, им все равно придется остановиться.

Хитрая Момби, конечно, не зря превратилась именно в грифона, ведь в быстроте и выносливости ему нет равных. Однако она позабыла о том, что Деревянному Коню усталость и вовсе неведома, он мог бежать день и ночь без отдыха. Поэтому уже после часовой гонки грифон стал отдуваться и пыхтеть и бежал уже не так быстро, как прежде. К этому времени они достигли пустыни. Усталые ноги грифона увязали в песке, очень скоро он упал и растянулся, совершенно обессиленный, на голой бесплодной земле.

Через мгновение его нагнала Глинда на Коня, который был, как всегда, бодр и полон сил. Она выдернула из пояса тонкую золотую нить и накинула ее на голову запыхавшегося, загнанного грифона, отняв таким образом у Момби способность к волшебным превращениям.

В тот же миг животное вздрогнуло всем телом и исчезло, а на его месте очутилась старая колдунья Злобно сверкая глазами, она стояла перед прекрасной, безмятежно улыбающейся Волшебницей.

23. Принцесса Озма из Страны Оз

— Ты моя пленница, сопротивляться бесполезно, — произнесла Глинда своим нежным мелодичным голосом. — Можешь полежать, отдохнуть немного, а потом я отвезу тебя в свой лагерь.

— Чего ты от меня хочешь? — прохрипела Момби, все еще с трудом переводя дыхание. — Что я тебе сделала?

— Ты мне ничего не сделала, — ответила прекрасная Волшебница, — но кое-какие подозрения у меня есть. И если я удостоверюсь в том, что ты использовала волшебную силу во зло, я намерена строго тебя наказать.

— Попробуй только! — прокаркала старая ведьма. — Посмей только меня тронуть!

Как раз в это время подлетел Рогач и приземлился рядом с Глиндой. Наши друзья с удовольствием убедились в том, что Момби наконец поймана, и, посоветовавшись накоротке, решили возвращаться в лагерь все вместе на Рогаче. Коня забросили в Летящую Самоделку, Глинда, все еще держа в руках золотую нить, обвивавшую шею Момби, заставила свою пленницу взобраться на один из диванов. Потом свои места заняли остальные, и Тип приказал Рогачу трогаться в обратный путь.

На этот раз путешествие протекало без приключений. Момби сидела, мрачно надувшись. Пока ее шею обвивала золотая нить, старая ведьма была совершенно беспомощна. Войска приветствовали появление Глинды дружным «ура», и вскоре друзья вновь собрались в королевской палатке, которую за время их отсутствия успели аккуратно заштопать.

— А теперь, — обратилась Волшебница к Момби, — я хотела бы знать, зачем тебя трижды навещал Волшебник Изумрудного Города и каким образом девочка Озма исчезла вдруг неизвестно куда.

Ведьма дерзко посмотрела на Глинду и не сказала ни слова.

— Отвечай же! — повторила Волшебница.

Момби хранила молчание.

— Может быть, она просто ничего не знает, — предположил Джек.

— Будь добр, помолчи, — попросил Тип. — Своей глупостью ты только все испортишь.

— Хорошо, дорогой отец, — кротко согласился Тыквоголовый.

— Это просто счастье, что я — Кувыркун, — пробормотал себе под нос Увеличенный Жук, — и голова у меня — не тыква.

— Однако, — сказал Страшила, — как же заставить ее говорить? Если она не откроет нам то, что нам так важно узнать, получится, мы зря за ней гонялись.

— Не попробовать ли лаской? — предложил Железный Дровосек. — Я слышал, что лаской

можно добиться всего, даже от самых отпетых злодеев.

Ведьма бросила на него такой леденящий взгляд, что Железный Дровосек осекся и замолчал.

После долгого раздумья Глинда вновь обратилась к Момби с такими словами:

— Поверь, упрямством ты ничего не добьешься. Мне нужно узнать правду о девочке Озме, и, если ты не расскажешь нам всего, что тебе известно, тебя придется казнить.

— О нет! Только не это! — вскричал Железный Дровосек. — Казнить — даже старую Момби — это слишком жестоко.

— Ну, это всего лишь угроза, — пояснила Глинда, — конечно же, я не казню Момби, тем более что она сама предпочтет рассказать мне правду.

— Ах, вот как, — вздохнул с облегчением железный человек.

— Ну, допустим, я расскажу вам все, что вы хотите, — заговорила Момби так неожиданно, что все вздрогнули. — Что вы тогда со мной сделаете?

— Тогда, — ответила Глинда, — я всего лишь попрошу тебя выпить волшебный напиток, от которого ты забудешь все свое колдовство.

— Но без него я останусь беспомощной старухой! — воскликнула Момби.

— Зато живой, — утешил ее Тыквоголовый.

— Еще раз прошу тебя — помолчи, — зашипел на него Тип.

— Я могу и помолчать, — ответил Джек, — но согласись, быть живым — большое удовольствие.

— А живым и ученым — удовольствие вдвойне, — добавил Кувыркун, одобрительно кивая.

— Выбирай, — обратилась Глинда к старой Момби, — или ты умрешь, если и дальше будешь молчать или потеряешь волшебную силу, если расскажешь нам правду. Я бы на твоём месте предпочла остаться живой.

Момби беспомощно взглянула на Волшебницу и убедилась, что та говорит вполне серьезно и шутить не намерена. И тогда она проговорила очень медленно и неохотно:

— Пожалуй, я отвечу на ваши вопросы.

— Этого я и ждала, — удовлетворенно кивнула Глинда. — Уверяю тебя, твой выбор очень разумен.

Она кликнула одного из своих Капитанов, и тот принес чудесной работы золотую шкатулку. Из нее Волшебница достала большую белую жемчужину на тоненькой цепочке, которую повесила себе на шею так, что жемчужина оказалась у нее на груди, прямо над сердцем.

— Итак, — сказала она, — я задаю тебе первый вопрос: зачем тебя трижды навещал Волшебник?

— Затем, что я его навещать не желала, — ответила Момби.

— Это не ответ, — строго сказала Глинда. — Отвечай правду.

— Ну, — проговорила Момби еле слышно, уставившись в пол, — он приходил узнать рецепт печенья.

— Смотри мне прямо в глаза! — велела Волшебница. Момби повиновалась.

— Скажи, какого цвета моя жемчужина? — спросила Глинда.

— Она... она черная! — удивленно ответила Момби.

— Это значит, что ты солгала! — гневно воскликнула Глинда. — Жемчужина остается белой лишь тогда, когда при ней говорят правду.

Момби поняла теперь, что бесполезно и пытаться обмануть Волшебницу. Как ни было ей досадно, пришлось признаться во всем.

— Волшебник привел ко мне девочку Озму, тогда совсем кроху, и попросил ее спрятать.

— Так я и думала, — спокойно сказала Глинда. — Чем же он наградил тебя за службу?

— Он обучил меня всем видам волшебства, которые знал сам, правда, не все оказалось настоящим волшебством, кое-что просто жульничеством, но я-то свое обещание сдержала честно.

— Что ты сделала с девочкой? — спросила Глинда, и присутствующие невольно затаили дыхание и подались вперед в ожидании ответа.

— Я ее заколдовала, — ответила Момби.

— Каким образом?

— Превратила ее в... в...

— В кого? — строго спросила Глинда, видя, что ведьма колеблется.

— В мальчика, — тихо призналась Момби.

— В мальчика! — эхом отозвалось множество голосов, и все глаза обратились на Типа — ведь это его Момби воспитывала с младенчества.

— Да-да, — кивнула старая ведьма, — это и есть принцесса Озма, дитя, которое привел ко мне Волшебник после того, как захватил трон ее отца. Это и есть законная правительница Изумрудного Города! — И она устала прямо на мальчика свой длинный костлявый палец.

— Я?! — вскричал в изумлении Тип. — Какая же я принцесса Озма? Я же не девочка!

Глинда улынулась и, подойдя к Типу, положила свою изящную белую руку на его маленькую загорелую ладошку.

— Сейчас ты не девочка, — ласково сказала она, — потому что Момби превратила тебя в мальчика. Но родился ты девочкой, к тому же принцессой. Тебе следует вернуть твое истинное обличье, и ты станешь королевой Изумрудного Города.

— Ой, нет, пусть лучше королевой будет Джинджер, — замотал головой Тип, готовый уже расплакаться. — Я хочу остаться мальчиком, хочу путешествовать со своими друзьями — Страшилой, Железным Дровосеком, Кувыркуном и Джеком, Конем и Рогачом. Я совсем не хочу превращаться в девочку!

— Не переживай, старина, — стал утешать его Железный Дровосек. — Девчонкой быть,

говорят, тоже неплохо. А сам я, честно говоря, всегда считал, что девочки лучше мальчишек.

— Ничуть не хуже — это уж точно, — добавил Страшила и ласково погладил Типа по голове.

— И учатся девочки очень хорошо, — заявил Кувыркун. — Когда ты превратишься обратно в девочку, я буду обучать тебя разным наукам.

— Пойдите! А как же я? — заволновался вдруг Тыквоголовый Джек. — Если ты станешь девочкой, кто же будет моим дорогим папашей?

— Уж, конечно, не я, — ответил Тип, рассмеявшись сквозь слезы, — и не пожалею об этом ни капельки. — Поколебавшись еще мгновение, он повернулся к Глинде: — Пожалуй, я попробую — посмотрим, что из этого выйдет. Но если мне не понравится быть девчонкой, обещаю, пожалуйста, что превратишь меня снова в мальчика.

— Ну, этого, — развела руками Волшебница, — как раз не обещаю. Уважающие себя волшебницы не занимаются превращениями, ведь придавать одному видимость другого — это всегда обман. Владеть этим искусством только бессовестные колдуны, вот почему я вынуждена сейчас просить Момби: сними свои колдовские чары и верни ей ее истинный облик. Для тебя это последняя возможность поколдовать.

Теперь, когда вся правда о принцессе Озме открылась, Момби не было уже никакого дела до Типа, однако гнева Глинды она опасалась. К тому же Тип, который был вовсе не злопамятен, пообещал щедро обеспечить ее старость, когда станет править в Изумрудном Городе. Поэтому ведьма согласилась сотворить превращение и начала готовиться к колдовству.

Глинда велела установить в центре палатки ее королевское ложе. Сверху над ним нависали тонкие из розового шелка, занавески совершенно скрывавшие пространство внутри.

Для начала ведьма велела мальчику выпить какой-то напиток, от которого он немедленно и крепко заснул. Потом Железный Дровосек и Кувыркун бережно перенесли его на ложе, опустили на мягкие подушки и задернули занавеси.

Тогда ведьма присела на корточки и разожгла маленький костерок из пучка сухих трав, которые достала из-за пазухи. Когда огонек разгорелся, старая Момби бросила в него пригоршню волшебного порошка, и от него пошел густой фиолетовый дым, наполнивший всю палатку благоуханием. Конь от этого расчихался, и все на него дружно зашикали.

Под любопытными взглядами окружающих ведьма пропела заклинание на непонятном языке и семь раз низко склонилась над огнем. Затем она выпрямилась и громко пропела: «Йе-о-а!»

Дым рассеялся, воздух снова стал прозрачным, в двери палатки подул свежий ветер, занавеси над ложем слегка заколыхались, и внутри кто-то пошевелился.

Глинда подошла и раздвинула розовый шелк. Потом она протянула руку и помогла подняться девочке, свежей и прекрасной, как майское утро. Губы ее были алы, глаза сияли, как алмазы. По плечам струились золотистые кудри, надо лбом их придерживал золотой обруч, усыпанный брильянтами. Ее шелковое платье было легким и воздушным, как облако, а ноги были обуты в изящные атласные туфельки.

На это чудесное видение старые приятели Типа не меньше минуты глазели в изумлении, после чего все головы восхищенно склонились перед прелестной принцессой Озмой. Девочка взглянула на Глинду, чье лицо светилось удовлетворением и радостью, потом повернулась к остальным. С очаровательной застенчивостью она произнесла:

— Надеюсь, вы будете ко мне относиться так же хорошо, как и раньше. Я ведь все тот же прежний Тип...

— Тот, да не тот! — восторженно выкрикнул Тыквоголовый, и это, безусловно, были самые мудрые слова, произнесенные им за всю его жизнь. С ними согласились все.

24. Самые богатые на свете

Когда до Королевы Джинджер дошли удивительные новости о том, что колдунья Момби поймана и призналась Глинде во всех своих грехах, а мальчик Тип оказался не кем иным, как давно и неизвестно куда пропавшей принцессой Озмой, Королева громко и безутешно разревелась.

— Подумать только, — всхлипывала она, — теперь, когда я уже побыла королевой и пожила во дворце, придется опять возвращаться домой, мыть полы да сбивать масло! Что может быть ужасней! Никогда, никогда я на это не соглашусь!

А потому, когда ее солдаты, большей частью проводившие время на кухне за приготовлением тянучек, посоветовали ей ни за что не сдаваться, она послушалась их глупой болтовни и отправила Глинде и принцессе Озме дерзкое вызывающее послание. В результате разразилась война. Уже на следующий день войско Глинды под реющими флагами и под гром оркестра двинулось маршем на Изумрудный Город.

Однако, подойдя к стенам города, отважное войско было вынуждено остановиться: Джинджер заперла и забаррикадировала все входы, а стены Изумрудного Города, сложенные из крупных кусков зеленого мрамора, были неприступны. Узнав, что наступление захлебнулось, Глинда нахмурилась и глубоко задумалась. Кувиркун подал такой совет:

— Нужно начать осаду города, они проголодаются и сразу пойдут на попятную. Это уж наверняка!

— Пойдите, — сказал Страшила. — У нас же есть Рогач, который может летать.

Услышав эти слова. Волшебница быстро повернулась к нему, и лицо ее осветилось улыбкой.

— Ничего не скажешь, — воскликнула она, — мозги у тебя и впрямь исключительные! Идемте немедленно к Рогачу!

Они долго шагали сквозь расположение войска, пока не подошли к тому месту, где около палатки Страшилы отдыхал Рогач. Глинда и принцесса Озма взобрались в него первыми и уселись на диваны. Тут же разместились Страшила и его друзья, после чего осталось еще место для Капитана и трех солдат, которых Глинда решила взять в качестве охраны.

По приказу принцессы чудесная самоделка по имени Рогач взмахнула пальмовыми крыльями, поднялась в воздух и вмиг перенесла наших героев через городскую стену. Кружась над городом, они вскоре заметили Джинджер: та удобно расположилась под деревом в гамаке, читая книгу в зеленой обложке и откусывая время от времени от плитки зеленого шоколада, в полной уверенности, что городские стены надежно защищают ее от врагов. Послушный Рогач приземлился тут же во дворе. Джинджер ахнуть не успела, как Капитан и три солдата подскочили к ней со всех сторон, и недавняя королева оказалась пленницей.

На том война закончилась, ибо, прознав о пленении Джинджер, Армия повстанцев тут же побросала оружие. Капитан без всяких помех прошествовал по главной улице к воротам города и распахнул их настежь. Оркестр заиграл свои самые прекрасные мелодии, войска Глинды вошли под них в город, и герольды объявили о низложении дерзкой Джинджер и восшествии на престол законной правительницы — прекрасной Озмы.

В тот же миг мужчины Изумрудного Города с облегчением скинули передники. Поговаривают, правда, что женщинам к этой поре уже так опостылела стряпня их супругов, что весть о поражении Джинджер они встретили с ликованием. Во всяком случае, доподлинно известно, что добрые жены, все как одна, ринулись в кухни и столько всего вкусного наготовили для своих истомленных хлопотами мужей, что в семьях тут же установились мир и лад.

Первым делом Озма распорядилась о том, чтобы все повстанцы вернули немедленно изумруды, брильянты и иные драгоценные камни, растащенные ими с улиц и общественных зданий. Число драгоценных камней, выковыранных и похищенных тщеславными девицами, оказалось столь велико, что королевским ювелирам пришлось работать не разгибая спины больше месяца, чтобы привести городское хозяйство в прежний вид.

Армия повстанцев была тем временем распущена, и девицы отправлены по домам. Джинджер дала обещание примерно себя вести и тоже получила свободу.

В Изумрудном Городе еще не бывало правительницы, прекраснее Озмы. Несмотря на молодость, она правила своим народом мудро и справедливо. Тем более что Глинда всегда готова была помочь ей добрым советом, равно как и Кувыркун, получивший важный пост Народного Просветителя.

Рогачу, в благодарность за службу, предложила любую награду, какую он только пожелает.

— Если так, — ответил Рогач, — желаю, чтобы меня снова разобрали на части. Я вовсе не хотел, чтобы меня оживляли, и, по правде говоря, стесняюсь своего нескладного вида. В свое время я был царем лесов, тому свидетельством могучие рога. Но в нынешнем моем диванном состоянии я лишен ног и вынужден летать по воздуху. Мне это совсем не по нраву, поэтому прошу вас, избавьте меня от туловища и от крыльев.

Озма велела разобрать Рогача на части. Голову с рогами повесили на прежнее место в приемной зале, диваны развязали и расставили в гостиных, хвост-метла вернулся к своим кухонным обязанностям, а бельевая веревка — на гвоздь, откуда была снята Страшилой в знаменательный день рождения Самоделки.

Это не означало, однако, что Рогачу пришел конец, — он только перестал быть летательным аппаратом. Голова, большей частью молчаливо висевшая на стене, временами бывала не прочь поговорить, ошарашивая посетителей неожиданными вопросами.

Конь жил в довольстве и в холе. Озма любила разъезжать на своем четвероногом скакуне по улицам Изумрудного Города. На его деревянные копыта она велела набить золотые подковы — услышав издали их мелодичный перезвон, подданные Озмы преисполнялись почтительного трепета: «Волшебник не был и вполтину так могуществен, как наша новая повелительница, — перешептывались горожане, — он больше хвастался, а она умеет творить чудеса, о каких прежде никто и не слыхивал».

Тыквоголовый Джек жил во дворце Озмы до конца своих дней, жил долго, но, увы, нисколько не поумнел. Кувыркун пытался преподать ему кое-какие науки, но ученик оказался слишком слаб, и учитель в конце концов махнул на него лапкой.

Когда солдаты Глинды разошлись по домам и в Изумрудном Городе воцарились мир и спокойствие, Железный Дровосек заявил, что намерен вернуться в Королевство Мигунов.

— Конечно, мое королевство невелико, — сказал он Озме, — зато им нетрудно править. Я — абсолютный монарх, к тому же собираюсь провозгласить себя императором, поэтому в мои общественные и личные дела никто не вмешивается. Вернусь домой и первым делом велю себя заново отникелировать — смотрите, сколько на мне вмятин и царапин. А уж там — милости прошу в гости.

— Спасибо, — поблагодарила Озма, — приеду обязательно. Но что же будет со Страшилой?

— Я отправлюсь со своим другом Дровосеком, — очень серьезно ответил тот. — Мы решили больше никогда не расставаться.

— Страшила назначен Главным Казначеем, — пояснил Железный Дровосек. — Я подумал, что неплохо иметь Государственного Казначея, который битком набит деньгами. Что ты на это скажешь?

— Скажу, — улыбнулась Юная Озма, — что богаче нашего друга на свете, пожалуй, и нет никого.

— Это правда, — согласился Страшила, — как правда и то, что деньги здесь ни при чем. Мозги, я считаю, куда важнее денег, с какой стороны ни посмотри. Да вы, наверное, и сами примечали: от денег без мозгов никакой пользы, а когда мозги есть, можно и без денег жить в полное удовольствие.

— Надо, однако же, признать, — добавил Железный Дровосек, — что доброе сердце никакими мозгами не заменишь и ни за какие деньги не купишь. Так что самый богатый человек на свете, пожалуй, все-таки я.

— Вы оба богачи, друзья мои, — ласково сказала Озма. — Ваше богатство в вас самих — с ним не сравнятся никакие сокровища в мире.